

Annotation

Они познакомились в университете. Полюбили друг друга и поженились. Через несколько лет она умерла. Прочитав этот маленький роман, который уже купило 20 миллионов человек, вы тоже будете очарованы, растроганы, восхищены. Неважно, сколько вам лет — 15 или 50, неважно, кто вы — романтическая барышня или суровый отец, бесчувственный юнец или заботливая бабушка — все равно вы не сможете сдержать слез и никогда не забудете эту историю любви.

- [Эрик Сигл](#)
 - [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)
 - [Глава 5](#)
 - [Глава 6](#)
 - [Глава 7](#)
 - [Глава 8](#)
 - [Глава 9](#)
 - [Глава 10](#)
 - [Глава 11](#)
 - [Глава 12](#)
 - [Глава 13](#)
 - [Глава 14](#)
 - [Глава 15](#)
 - [Глава 16](#)
 - [Глава 17](#)
 - [Глава 18](#)
 - [Глава 19](#)
 - [Глава 20](#)
 - [Глава 21](#)
 - [Глава 22](#)
- [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)

- [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
 - [15](#)
-

Эрик Сигл

История любви

Глава 1

Что можно сказать о двадцатипятилетней девушке, которая умерла?

Что она была красивой. И умной. Что любила Моцарта и Баха. И «Битлз». И меня. Однажды, когда она окончательно замучила меня, рассказывая о своих музыкальных привязанностях, я спросил: «Ну и кто за кем?» — «По алфавиту», — смеясь, ответила она. Я тоже улыбнулся. Тогда. Но теперь сижу и думаю: ведь если в этот список вставить мое имя, то я всего-навсего плетусь в хвосте у Моцарта, а вот если фамилию — тогда мне удастся втиснуться между Бахом и «Битлз». Но в любом случае я не первый, и это, неизвестно почему, чертовски угнетает меня. С самого детства я привык во всем быть первым. Впрочем, это у нас фамильное.

Той осенью, когда я учился на последнем курсе, у меня вошло в привычку ходить в библиотеку Рэдклиффа. И не только для того, чтобы поглазеть на сексапильных студенточек, хотя надо сознаться, что и для этого тоже. К тому же в этом тихом местечке можно было получить любую книгу. До экзамена по истории оставался всего лишь день, а я даже еще не заглядывал в список рекомендованной литературы — типичная гарвардская болезнь. Я неторопливо приблизился к столу, где принимали заказы на книги. Мне нужен был заветный том, с помощью которого я собирался выкарабкаться на завтрашнем экзамене. Там сидели две девушки. Одна из них — здоровенное теннисное нечто, а вторая — из породы очкастых мышей. Я остановил свой выбор на Минни-Четырехглазке.

— У вас есть «Конец средневековья»?

Она быстро взглянула на меня и спросила:

— А у вас есть собственная библиотека?

— Послушай, Гарвард имеет право пользоваться библиотекой Рэдклиффа.

— Я с тобой говорю не о правах, Преппи^[1], я сейчас говорю об этике. У вас, ребята, пять миллионов томов. У нас — какие-то вшивые тысячи.

Боже мой, и эта тоже воображает себя высшим существом! И тоже, наверное, думает, что если соотношение между Рэдклиффом и Гарвардом 5:1, то и девицы соответственно в пять раз умнее. Я с такими экземплярами обычно не церемонюсь, но тогда мне жутко была нужна эта чертова книга!

— Послушай, мне нужна эта чертова книга!

— Будь любезен, выбирай выражения, Преппи!

— А с чего ты взяла, что я ходил в подготовительную школу?

— Сразу видно, что ты тупой и богатый, — сказала она, снимая очки.

— А вот и нет, — запротестовал я. — На самом деле я умный и бедный.

— Нет уж, Преппи. Это я умная и бедная. Она посмотрела на меня. Глаза у нее были карие. О'кэй. Возможно, я и вправду похож на богатого, но я не позволю какой-то там клиффи — даже если у нее красивые глаза — обзывать меня болваном.

— А почему, черт возьми, ты считаешь себя такой умной? — спросил я.

— А потому, что я никогда бы не пошла выпить с тобой кофе, — ответила она.

— А я бы тебя и не пригласил.

— Вот-вот, — сказала она. — Именно поэтому-то я и считаю тебя тупым.

Теперь нужно объяснить, почему я все-таки пригласил ее выпить кофе. Предусмотрительно капитулировав в решающий момент — иначе говоря, изобразив внезапное желание пригласить ее в кафе, — я получил вождеденный фолиант. А поскольку она должна была дежурить до закрытия библиотеки, я располагал кучей времени, чтобы вобрать в себя несколько многозначительных фраз о том, как в конце одиннадцатого века королевская власть, все более опираясь на законников, постепенно избавлялась от клерикальной зависимости. На экзамене я получил "А" с минусом^[2] — между прочим, эта отметка совпала с той, которую я мысленно поставил Дженни за ее ноги в тот момент, когда она первый раз вышла из-за стола. Впрочем, то, как она была одета, я оценил не столь высоко — чересчур богемно на мой вкус. Особенно отвратительной мне показалась та индейская штучковина, которую она использовала в качестве дамской сумочки. Но

я не стал высказывать свое мнение и правильно сделал, потому что, как выяснилось позже, это было ее собственное изделие.

Мы решили посидеть в «Лилипуте» — это одно местечко поблизости, где можно съесть пару сэндвичей, и ходят туда, вопреки названию, люди нормального роста. Я заказал два кофе и шоколадное мороженое (для нее).

— Меня зовут Дженнифер Кавиллери, — сказала она, — я американка итальянского происхождения. Ну, конечно, сам бы я не догадался.

— Я занимаюсь музыкой, — добавила она.

— Меня зовут Оливер, — представился я.

— Это имя или фамилия? — спросила она.

— Имя, — ответил я и признался, что мое полное имя Оливер Бэрретт (ну, почти полное).

— О-о, — произнесла она, — тебя зовут Бэрретт, как поэтессу?

Последовала пауза, во время которой я тихо радовался, что она не задала такой привычный и такой мучительный для меня вопрос: «Тебя зовут Бэрретт, как Бэрретт Холл?»

Должен признаться, что я действительно родственник того парня, который построил Бэрретт Холл — самое большое и уродливое сооружение в Гарварде, колоссальный памятник деньгам, тщеславию и чудовищному гарвардизму моей семьи.

Потом Дженнифер довольно долго молчала. Неужели нам не о чем говорить? Может быть, я разочаровал ее тем, что не имею никакого отношения к поэзии? В чем же дело? Она просто сидела, чуть-чуть улыбаясь мне. Чтобы хоть чем-то заняться, я начал просматривать ее тетрадки. Почерк у нее был любопытный — маленькие остренькие букочки и ни одной заглавной (может быть, девочка вообразила себя э. э. каммингсом^[3]?). А занималась она чем-то умопомрачительным: «Сравнит. лит. 105, Музыка 150, Музыка 201...»

— Музыка 201? Это ведь курс для выпускников? Она кивнула с плохо скрываемой гордостью:

— Полифония Ренессанса.

— А что такое «полифония»?

— Ничего сексуального, Преппи! Почему я все это терплю? Может быть, она вообще не читает «Кримзон»^[4] и не знает, кто я

такой?

— Эй, ты что, не знаешь, кто я такой?

— Знаю, — ответила она с пренебрежением. — Ты тот самый парень, которому принадлежит Бэрретт Холл.

Она действительно не знала, кто перед ней.

— Бэрретт Холл не принадлежит мне, — заюлил я. — Просто мой прадедушка подарил его Гарварду.

— Для того чтобы его занюханного правнука наверняка приняли в Гарвард.

— Дженни, если я, по-твоему, законченный дебил, то тогда зачем ты потащила со мной пить кофе? Она подняла глаза и улыбнулась:

— Мне нравится твое тело.

Одно из главных качеств настоящего победителя — это умение красиво проигрывать. И здесь нет никакого парадокса. Истинный гарвардец способен превратить в победу любое поражение...

И, провожая Дженни до общежития, я все еще надеялся взять верх над этой рэдклиффской паршивкой.

— Послушай, паршивка, в пятницу вечером будет хоккейный матч. Играет Дартмут.

— Ну и?

— Ну и я хочу, чтобы ты пришла. Она ответила с характерным для Рэдклиффа уважением к спорту:

— А какого черта я должна идти на этот вшивый хоккейный матч?

Мне удалось ответить небрежно:

— Потому что играю я.

— За какую команду? — спросила она.

Глава 2

Оливер Бэрретт IV Ипсвич, Массачусетс.
Возраст — 20 лет.
Специальность — общественные науки.
Предполагаемая карьера — юриспруденция.
Студент последнего курса.
Рост — 5 футов 11 дюймов.
Вес — 185 фунтов.
Деканский список:
1961, 1962, 1963.
Член хоккейной команды — победителя чемпионатов Плющевой Лиги^[5]: 1962, 1963.

К этому времени Дженни уже наверняка прочитала мои биографические данные в программке. Я трижды удостоверился, что Вик Клейман, наш менеджер, снабдил ее программкой.

— Боже мой, Бэрретт, это что, твое первое свидание?

— Заткнись, Вик, а то будешь жевать свои зубы.

Разминаясь на льду, я ни разу не помахал ей (верный признак неравнодушия) и даже не взглянул в ее сторону. Но убежден, что она была убеждена, будто я на нее все-таки смотрю. Я также думаю, что во время исполнения Национального Гимна она сняла очки отнюдь не из уважения к государственному флагу...

В середине второго периода мы побеждали Дартмут со счетом 0:0. Иными словами, Дейви Джонстон и я уже несколько раз были готовы продырявить сетку их ворот. Зеленые ублюдки почувствовали это и начали грубить.

...Обычно я придерживаюсь определенной тактики: луплю все, что одето в форму противника. Где-то под ногами болталась шайба, но в эту минуту мы сосредоточили все свои усилия на том, чтобы как можно качественнее отдубасить друг друга.

И тут засвистал судья:

— Удаление на две минуты.

Я оглянулся. Он показывал на меня. На меня? Но ведь я еще ничего не сделал, чтобы заслужить удаление?!

— Но послушайте, что я такого сделал? Странно, но судья не заинтересовался продолжением диалога.

— Номер седьмой — удаление на две минуты, — крикнул он в сторону судейского столика и подтвердил это соответствующей жестикуляцией...

Зрители неодобрительно зароптали; некоторые гарвардцы выразили сомнение по поводу остроты зрения и неподкупности судей. Я сидел, стараясь восстановить дыхание и не глядя на лед, где Дартмут теперь имел численное преимущество.

— Почему ты сидишь здесь, когда все твои друзья играют там?

Это был голос Дженни. Я проигнорировал ее и принялся громко подбадривать своих товарищей по команде.

— Жми, Гарвард! Шайбу! Шайбу!

— Что ты натворил?

Мне пришлось повернуться и ответить — в конце концов, я же пригласил ее сюда.

— Я перестарался...

— Наверное, это большой позор?

— Ну, Дженни, пожалуйста, не мешай — я хочу сосредоточиться.

— На чем?

— На том, как бы мне урыть этого подонка Эла Реддинга!

Я не отрывал глаз ото льда, оказывая моральную поддержку моим соратникам.

— Значит, ты любишь грязную игру? — Дженни продолжала занудствовать. — А меня бы ты мог «урывать»?

Я ответил, не поворачивая головы:

— Я это сделаю прямо сейчас, если ты не заткнешься.

— Я ухожу. До свидания.

Когда я оглянулся, ее уже не было. Я встал, чтобы лучше видеть игру, и в эту минуту сообщили, что мое штрафное время истекло. Мне оставалось только перемахнуть через барьер.

Толпа приветствовала мое возвращение. Если Бэрретт «в игре», все будет о'кэй. Где бы ни пряталась Дженни, она должна была слышать, какой взрыв энтузиазма вызвало мое явление на лед, И потому не все ли равно, где она?

А где она?

...Ринувшись к шайбе, я успел подумать, что у меня есть доля секунды, чтобы взглянуть вверх на трибуны и найти глазами Дженни. И я увидел ее. Она была там.

В следующий момент я сообразил, что еду на собственной заднице. Оказывается, в меня врезались сразу два зеленых ублюдка, в результате чего я сел прямо на лед и, как следствие, невероятно смутился. Бэрретт повержен! Верные гарвардские фанаты даже застонали, когда я поскользнулся. И было слышно, как кровожадные болельщики Дартмута скандируют: «Бей их! Бей их!»

Что подумает Дженни?

Дартмутцы снова атаковали наши ворота, и снова наш вратарь парировал их удар... Зрители совершенно озверели. Надо было забивать гол. Я завладел шайбой и повел ее через все поле — за синюю линию Дартмута.

— Вперед, Оливер, вперед! Оторви им головы!

Среди рева толпы я различил пронзительный визг Дженни. Он был изысканно яростен. Я обманул одного защитника и с такой силой впелся в другого, что тот отключился. Но потом — вместо того чтобы бить по воротам самому — я переадресовал шайбу Дейви Джонстону, неожиданно появившемуся справа. И Дейви послал ее точно в сетку ворот. Гарвард открыл счет!

В следующий миг мы обнимались и целовались. Толпа бесновалась... А тот парень, которого я вырубил, все еще не мог оторвать ото льда свою задницу.

Болельщики швыряли программки на лед. Это окончательно сломало хребет Дартмуту!.. Мы уделали их со счетом 7:0.

Будь я сентиментален и люби Гарвард достаточно горячо, чтобы вешать на стенки какие-нибудь фотографии, то на снимках был бы запечатлен Диллон. Стадион Диллон... Каждый день, ближе к вечеру, я шел туда, приветствовал моих товарищей дружеской руганью, сбрасывал с себя сбрую цивилизации и превращался в спортсмена. Как это чудесно — надеть на себя хоккейные доспехи и майку с доброй старой цифрой "7" (мне даже грезилось, что никто больше не получит моего номера, когда я уйду из команды, но, увы, этого не произошло), взять коньки и направиться на каток Уотсон.

Но еще приятнее возвращаться в раздевалку. Стянуть с себя потную форму и нагишом важно направиться к стойке за полотенцем.

— Ну, как поработал сегодня, Олли?

— Отлично, Ричи. Отлично, Джимми.

Потом пройти в душевую, слушать о том, кто, что, с кем и сколько раз сделал в ночь с субботы на воскресенье. «Мы имели этих свиноматок из Маунт Ида, понимаешь...?» К счастью, у меня было персональное место для медитаций. Господь Бог наградил меня большим коленом (да, именно наградил — можете заглянуть в мою призывную карточку!). Поэтому после игры мне был необходим небольшой гидромассаж. Сидя в воде и разглядывая кипение струй вокруг моего колена, я любовно пересчитывал свои ссадины и синяки и размышлял обо всем и ни о чем конкретно. В тот вечер я думал о забитой мной шайбе и еще об одной, заброшенной с моей подачи, а также о том, что наша команда уже почти обеспечила себе очередной титул чемпиона Плющевой Лиги — в третий раз на моей памяти...

Боже мой! Да ведь Дженни ждет меня на улице. Я надеюсь! Надеюсь, что еще ждет! Господи Иисусе! Сколько же времени я прокайфовал в этом уютном местечке, пока она торчала снаружи, на кембриджском холоде? Я поставил рекорд по скоростному одеванию и, не успев просохнуть, выскочил из дверей Диллона.

Морозный воздух был как удар. Бог ты мой, ну и холод! И темнота! У входа все еще толпилась небольшая кучка болельщиков, в основном старые верные фанаты — наши выпускники, которые в душе так и не сняли с себя хоккейные доспехи...

Отойдя на несколько шагов в сторону от болельщиков, я принялся отчаянно высматривать Дженни. И вдруг она выскочила откуда-то из-за кустов — лицо ее было замотано шарфом, и виднелись только глаза.

— Эй, Преппи, здесь чертовски холодно. Я ужасно был рад ее видеть!

— Дженни! — И я, будто бы инстинктивно, слегка поцеловал ее в лоб.

— Разве я тебе разрешила это сделать?

— Что?

— Разве я сказала тебе, что ты можешь меня поцеловать?

— Извини, я увлекся.

— А я нет.

Почти все уже разошлись, было темно, холодно и очень поздно. Я снова поцеловал ее. Но уже не в лоб и не слегка. Поцелуй длился восхитительно долго. Когда же он закончился, она все еще держалась за мой рукав.

— Мне что-то это не нравится, — произнесла она.

— Что именно?

— Мне не нравится то, что мне это нравится. Назад мы шли пешком (машину пришлось оставить, потому что Дженни хотела прогуляться), и она держала меня за рукав. Не за руку, а именно за рукав. Только не спрашивайте меня, почему. На пороге Бриггс Холла я не стал ее целовать и желать доброй ночи.

— Послушай, Джен, возможно, я не буду тебе звонить несколько месяцев.

Она на секунду замолчала. На несколько секунд. И наконец спросила:

— Почему?

— А может быть, позвоню тебе, как только доберусь до своей комнаты. Я зашагал прочь.

— Недоносок! — прошептала она. Я круто повернулся и вlepил шайбу с расстояния двадцати футов.

— Вот видишь, Дженни, тебе так нравится щелкать по носу других, а сама ты этого не любишь.

О, как мне хотелось рассмотреть выражение ее лица, но я воздержался — по стратегическим соображениям.

Когда я вошел, мой сосед по комнате Рэй Стрэттон играл в покер с двумя своими приятелями-футболистами.

— Привет, животные!

Они ответили подобающим в таких случаях хрюканьем.

— Ну, что у тебя сегодня, Олли? — спросил Рэй.

— Шайбу засадили с моей подачи, и еще шайбу — я сам.

— С подачи Кавиллери?

— Не твое дело, — отрезал я.

— А это еще кто? — спросил один из бегемотов.

— Дженни Кавиллери — ответил ему Рэй. — Дохлая музыкантша.

— Я ее знаю, — сообщил второй из бегемотов. — У нее очень аккуратная попка.

Я проигнорировал реплики этих сексуально озабоченных грубиянов, взял телефон и понес его в свою спальню.

— Она играет в Обществе друзей Иоганна Себастьяна Баха, — сказал Стрэттон.

— А во что она играет с Бэрреттом?

— В «А ну-ка, отними!»

Хмыканья, хрюканье и гогот. Животные веселились.

— Джентльмены, — объявил я, выходя из комнаты, — а не пойдете ли вам...

И я заслонила дверь от новой волны нечеловеческих воплей. Потом снял ботинки, завалился на кровать и набрал номер Дженни.

Мы разговаривали шепотом.

— Эй, Дженни...

— Да?

— Джен, что бы ты ответила, если бы я тебе сказал...

Я запнулся. Она ждала.

— Мне кажется, я в тебя влюбился. Наступило молчание. Потом, очень тихо, она произнесла:

— Я бы ответила... что ты мешок с дерьмом.

И повесила трубку.

Я не был ни расстроен, ни удивлен.

Глава 3

Во время игры с Корнеллом я получил травму. Правда, это произошло по моей вине. В одной крутой схватке я допустил досадную ошибку, назвав их центрального нападающего «трахнутым кэнуком»^[6]. При этом я имел неосторожность забыть, что четыре члена их команды — канадцы и, как выяснилось, все четверо — лютые патриоты... Я получил не только травму, но и оскорбление, потому что меня же и удалили с площадки... На целых пять минут! Сядясь на скамейку штрафников, я видел, как наш тренер рвал на себе волосы.

Ко мне подскочил Джеки Фелт. И только тогда я осознал, что вся правая сторона моего лица превратилась в кровавое месиво.

— Господи Иисусе! — повторял Джек, обрабатывая мою рану кровоостанавливающим карандашом. — Господи Боже мой, Олли!

Я спокойно сидел и молчал, тупо уставившись в пространство. Мне было стыдно смотреть на лед, где уже начали оправдываться мои самые худшие опасения: шайба влетела в наши ворота. Корнеллские болельщики визжали, ревели и свистели. Счет сравнялся. Теперь Корнелл мог преспокойно выиграть этот матч, а значит, и титул чемпиона Плющевой Лиги. Вот дьявол! А я отсидел еще только половину штрафного времени...

На противоположной трибуне среди немногочисленных гарвардских болельщиков царило угрюмое молчание. К этому моменту все зрители уже забыли обо мне, и лишь один не отрывал глаз от скамейки штрафников...

Там, по другую сторону ледяного пространства, сидел Камнелицкий и бесстрастно наблюдал, как исчезают под пластырем последние капли крови на лице его единственного сына. О чем он думал? «Ай-яй-яй» или же что-нибудь *в этом роде* ?..

Возможно, Камнелицкий по привычке предавался в этот миг самовосхвалению: оглядитесь вокруг — сегодня здесь так мало гарвардцев, но среди этих немногих — я. Я, Оливер Бэрретт III, крайне серьезный человек, занятый своими банками и разными прочими вещами, я все-таки нашел время приехать в Итаку, чтобы

присутствовать на каком-то вшивом хоккейном матче... Это была наша последняя большая игра... И мы проиграли со счетом 3:6.

После матча мне сделали рентген, и выяснилось, что кости целы. Тогда Ричард Сельцер, доктор медицины, наложил на мою щеку двенадцать швов.

В раздевалке было пусто. Должно быть, все уже отправились в мотель. Я решил, что они просто не хотели видеть меня. С чувством ужасной горечи — даже во рту было горько — я покидал в сумку свои вещи и вышел на улицу. В этом зимнем безлюдье на окраине штата Нью-Йорк гарвардских фанатов было совсем немного...

— Сейчас бы не помешал хороший кусок мяса или бифштекс, — произнес знакомый голос. Да, это был Оливер Бэрретт III. Никто, кроме него, не мог бы порекомендовать такое старомодное средство для лечения фонаря под глазом...

За обедом состоялся очередной раунд наших бесконечных «недоразговоров», неизменно начинавшихся словами «Ну, как ты живешь?» и заканчивающихся «Может быть, я могу для тебя что-нибудь сделать?».

— Ну, как ты живешь, сын?

— Прекрасно, сэр.

— Лицо болит?

— Нет, сэр.

Кстати, оно потихоньку начинало болеть все сильнее и сильнее.

— Я бы хотел, чтобы Джек Уэллс посмотрел тебя в понедельник.

— Это ни к чему, отец.

— Но он хороший специалист...

— Корнеллский доктор тоже вроде не ветеринар, — ответил я в надежде слегка остудить тот снобистский пыл, с которым мой отец обычно относился к разным специалистам, экспертам и прочим представителям высшей касты.

— Как неудачно вышло, — заметил Оливер Бэрретт III, и мне сначала показалось, что это просто попытка к юмору: мол, как неудачно вышло, что я "получил такую чудовищную травму".

— Да, сэр, — сказал я (вероятно, он ждал, что я еще и хихикну в ответ).

И тут мне пришло в голову, что квазиостроумное замечание моего отца можно рассматривать и как разновидность утонченного упрека в

связи с моей выходкой на льду.

— Ты имеешь в виду, что сегодня вечером я вел себя, как скотина?

Мой вопрос вызвал на его лице тень удовлетворения. Однако он просто ответил:

— Ты же сам помянул ветеринаров... Мы прошлись по всему диапазону наших обычных разговоров, крутившихся вокруг «недотемы», особо излюбленной Камнелицым, — моих планов.

— Скажи-ка, Оливер, из Школы Права у тебя не было никаких известий?

— Отец, дело в том, что я еще не принял окончательного решения относительно Школы Права.

— Я только любопытствую, приняла ли какое-либо решение Школа Права относительно тебя.

Вероятно, это была еще одна шутка. И, вероятно, мне надлежало улыбнуться в ответ на цветистую риторику моего отца.

— Нет, сэр. Я не получил никаких известий.

— Я могу позвонить Прайсу Циммерману...

— Нет! — мгновенноотреагировал я. — Пожалуйста, не надо, сэр.

— Не для того, чтобы просить за тебя, — честно признался О. Б. Ш, — просто навести справки.

— Отец, я хочу дождаться письма наравне со всеми. Пожалуйста.

— Да. Конечно. Отлично.

— Спасибо, сэр.

— Тем более что практически нет никаких сомнений по поводу твоего зачисления, — добавил он.

Не знаю, почему, но О. Б. Ш умудрялся унижить меня, даже вознеся хвалу в мой адрес.

— Не такой уж это верняк, — ответил я. — Хоккейной команды-то в Школе нет.

Не представляю, зачем я оплевывал сам себя... Может быть, только затем, чтобы говорить обратное его словам?

— У тебя есть и другие достоинства, — утешил меня Оливер Бэрретт Ш, но развивать данную мысль не стал. Впрочем, вряд ли он был способен на это.

Еда оказалась такой же отвратительной, как и наш разговор, с той лишь разницей, что черствость булочек я мог предсказать еще до того,

как их принесут, но предвидеть, какую тему для разговора вкрадчиво подбросит мой отец, было невозможно.

— И еще не надо забывать про Корпус Мира, — заметил он ни с того ни с сего.

— Сэр? — переспросил я, не вполне уверенный в том, что это было — вопрос или утверждение.

— Я полагаю. Корпус Мира — замечательное учреждение, не так ли? — добавил он.

— Ну, конечно, — ответил я, — это гораздо лучше, чем Военный Корпус.

Счет сравнялся. Я не понял, что имеет в виду он, и наоборот...

Даже яблочный пирог оказался черствым.

...Около половины двенадцатого я проводил его до машины.

— Могу я что-нибудь сделать для тебя, сын?

— Нет, сэр. Спокойной ночи, сэр.

И он уехал... Я вернулся в мотель и позвонил Дженни.

Это было единственное приятное событие за весь день. Я рассказал ей все о драке (не уточняя повода, приведшего к этому инциденту), и, кажется, она осталась довольна. Мало кто из ее хлипких друзей-музыкантов мог отвешивать или выдерживать подобные тумаки!

— Надеюсь, ты сделал с тем парнем все, что надо? — спросила она.

— Ну! Конечно, сделал... Я взбил из него гоголь-моголь.

— Как жаль, что я этого не видела. Слушай, а нельзя кого-нибудь «взбить», когда вы будете играть с йельской командой?

— Сделаем...

Я улыбнулся. Она тоже любит простые радости жизни.

Глава 4

— Дженни разговаривает по телефону. Эту информацию выдала мне студентка, дежурившая у коммутатора.

— Спасибо, — ответил я. — Подожду здесь.

— Не повезло вам в матче с Корнеллом. В «Кримзоне» написано, что на тебя навалились сразу четверо.

— Да, и меня же еще удалили. На пять минут.

— Да.

Разница между другом и болельщиком заключается в том, что с последним говорить почти не о чем.

— Дженни уже закончила?

Взглянув на пульт, девушка ответила:

— Нет еще.

Интересно, на кого это Дженни транжирит время, предназначенное для свидания со мной? На какого-нибудь музыкального доходягу? Я ведь знаю, что некто Мартин Дейвидсон, старшекурсник из Адаме Хаус, дирижирующий оркестром Общества друзей Баха, считает, что ему принадлежат особые права на Дженни. Разумеется, не на тело — думаю, у этого парня ничего не поднимается, кроме дирижерской палочки. Во всяком случае, пора заканчивать с узурпацией моего времени.

— Где тут у вас телефонная будка?

— Внизу, за углом. — И она указала мне точное направление.

Я спустился в холл и уже издали увидел Дженни. Она оставила дверь кабинки открытой. Я приближался медленно, вразвалочку, надеясь, что вот сейчас она заметит мои бинты, мои боевые раны, заметит всего меня сразу — и так растрогается, что бросит трубку и ринется в мои объятия. Приближаясь, я услышал обрывки ее разговора.

— Да. Конечно! Ну, разумеется. О, я тоже. Фил. Я тебя тоже люблю, Фил.

Я перестал приближаться. С кем это она говорит? Очевидно одно — не с Дейвидсоном: уж кого-кого, но его Филом нельзя было назвать. Я давно выяснил о нем все, что нужно: «Мартин Юджин Дейвидсон, Риверсайд Драйв — 70, Нью-Йорк — Высшая школа музыки и

искусств». Судя по фотографии, он тонко чувствовал, глубоко мыслил и весил на пятьдесят фунтов меньше меня. Но при чем здесь Дейвидсон? Совершенно ясно, что Дженнифер Кавиллери дала отставку нам обоим, предпочтя кого-то третьего. Ему и предназначен воздушный поцелуй, посылаемый в телефонную трубку. Как это пошло!

Я отсутствовал всего сорок восемь часов, и уже какой-то ублюдок по имени Фил завалился с Дженни в постель! Ну, конечно, так это и было!

— Да, Фил, я тоже люблю тебя. Пока. Вешая трубку, она вдруг заметила меня и даже не покраснела. Она улыбнулась и послала еще один воздушный поцелуй — но теперь уже мне. Чудовищное двуличие!

Дженни легонько поцеловала меня в уцелевшую щеку.

— Эй, ты ужасно выглядишь!

— Я травмирован, Джен.

— А тот, другой, он выглядит еще хуже?

— Да, намного. Другие парни у меня всегда выглядят хуже.

Я произнес все это зловеще, как бы давая понять, что изуродую любого соперника, норовящего заползти к Дженни в постель в мое отсутствие. Вот уж действительно с глаз долой — из сердца вон! Она схватила меня за рукав, и мы направились к двери.

Когда мы вышли из общежития и уже собирались сесть в мой «эм-джи», я набрал полные легкие вечернего воздуха, выдохнул и спросил как можно небрежнее:

— Послушай, Джен.

— Да?

— М-м, а кто такой Фил?

Садясь в машину, она деловито ответила:

— Мой отец.

Так я и поверил в эти сказки.

— И ты зовешь своего отца Фил?

— Ну, это его имя. А ты как зовешь своего? Однажды мне Дженни рассказала, что ее воспитывал отец — то ли булочник, то ли пекарь из Крэнстона. Когда Дженни была еще совсем маленькой, ее мать погибла в автомобильной катастрофе. Именно поэтому она до сих пор еще не получила водительских прав. Отец Дженни во всех иных отношениях,

по ее словам, «действительно отличный парень», чудовищно суеверен и поэтому не разрешает своей дочери водить машину.

— А как ты зовешь своего? — повторила она. Я так задумался, что даже не понял ее вопроса.

— Кого своего?

— Ну, каким термином ты обозначаешь своего предка?

Я ответил ей, обозначив его именно так, как мне всегда этого хотелось:

— Сукин Сын.

— Прямо в лицо? — изумилась она.

— Я никогда не вижу его лица.

— Он что, носит маску?

— В каком-то смысле да. Маску из камня. Абсолютно каменную.

— Да ладно! Он, должно быть, ужасно гордится тобой. Ты же знаменитый спортсмен.

Я взглянул на нее и понял, что ей известно далеко не все.

— И он тоже был знаменитым гарвардским спортсменом, Дженни.

— И даже знаменитее, чем один хоккеист из Плющевой Лиги?

Мне было приятно, что она так высоко ценит взятые мною спортивные вершины, но, к сожалению, придется спуститься вниз и рассказать кое-что об отце.

— Он участвовал в Олимпийских играх 1928 года — греб на академической одиночке.

— Боже мой! — воскликнула она. — И пришел первым?

— Нет, — ответил я и несколько приободрился, вспомнив тот факт, что в финальной гонке он пришел шестым.

Мы помолчали.

— Но все-таки, почему ты зовешь его Сукиным Сыном? Что он такого сделал? — спросила Дженни.

— Он меня затрахал, — ответил я.

— Прости, я не поняла...

— Затрахал меня, — повторил я. Ее глаза округлились и стали похожи на два блюда.

— Но это же кровосмешительство?!

— Только не впутывай меня в свои семейные заморочки, Джен. Мне хватает собственных.

— Ну, например, чем именно он тебя затрахал? — поинтересовалась она.

— Своей правильностью.

— И что же неправильного в его правильности? — спросила она, радуясь этому очевидному парадоксу.

Я рассказал ей, как противно ощущать себя запрограммированным исключительно для продолжения традиции рода Бэрреттов. И разве она не замечала, как меня корежит от одного упоминания порядкового номера после моей фамилии? И еще мне не нравилось каждый семестр выдавать энное количество успехов.

Я рассказывал о том, что чувствовал всегда, но никогда никому до этого не говорил. Мне было чертовски неловко, но я хотел, чтобы Дженни узнала все.

— Он просто вызывающе бездушен — что бы я ни сделал, все воспринимает как должное.

— Но он же занятой человек. Разве он не руководит банками и еще чем-то?

— Господи Иисусе, Дженни, ты-то за кого?

— А что, разве это война? — спросила она.

— Вот именно, — ответил я.

— Но это же смешно, Оливер.

Оказалось, что я не убедил ее ни в чем. И тогда я впервые заподозрил, что между нами существует некая изначальная разность, а именно: три с половиной года учебы в Гарварде-Рэдклиффе сделали из нас задиристых умников, которых традиционно поставляют данные учебные заведения, но, когда нужно было признать тот факт, что мой отец настоящая окаменелость, Дженни мертвой хваткой держалась за какой-то атавистический, итало-средиземноморский миф о «бамбинолюбивом папочке». Спорить с этим было бесполезно.

И все же я попытался переубедить ее с помощью какого-нибудь примера. Рассказал о нашем странном «недоразговоре» после того матча. Это действительно произвело на нее впечатление. Но совсем не то, черт подери, на какое я рассчитывал.

— Значит, он специально приезжал в Итаку, чтобы посмотреть на твою вшивую игру?

Я попытался объяснить ей, что мой отец — это всего лишь форма и никакого содержания. Но она прямо-таки заиклилась на том, что он

проделал такой большой путь ради сравнительно тривиального спортивного события.

— Слушай, Дженни, давай забудем об этом.

— Слава Богу, что ты хотя бы по поводу своего отца комплексуешь, — ответила она. — Получается, что и ты не идеал.

— Да? Ты, что ли, идеал?

— Конечно, нет, Преппи. Иначе я бы встречалась не с тобой.

Ну вот, опять она за свое.

Глава 5

Я бы хотел немного рассказать о наших отношениях в физическом смысле.

Странно, но очень долгое время между нами вообще ничего не было. То есть не было ничего серьезного, кроме тех поцелуев, о которых я уже упоминал... Честно говоря, такого у меня еще никогда до этого не было, потому что я довольно-таки импульсивен, нетерпелив и предпочитаю действовать быстро. Если бы вы сказали любой из дюжины девиц в Тауэр Корт (Уэллсли), что Оливер Бэрретт IV встречался с одной юной леди ежедневно в течение трех недель и не переспал с ней ни разу, то они бы, несомненно, расхохотались и высказали серьезные сомнения в женских качествах вышеупомянутой леди. Но, конечно, на самом деле все было по-другому.

Я не знал, что делать.

Не поймите меня превратно или слишком буквально, Я отлично знал, как это делают. Просто я никак не мог разобраться в собственных чувствах и привести себя в боевую готовность... Я боялся, что умная Дженни просто посмеется над тем, что я всегда считал учтиво-романтичным и неотразимым стилем Оливера Бэрретта IV. Да, я боялся быть отвергнутым. И еще я боялся, что буду принят, но принят совсем по другим причинам...

— Оливер, ты завалишься на экзамене. В то воскресенье, днем, мы сидели у меня в комнате и занимались.

— Оливер, ты точно завалишься на экзамене, если будешь только смотреть, как я занимаюсь.

— А я не смотрю, как ты занимаешься, Я сам занимаюсь.

— Чушь собачья. Ты разглядываешь мои ноги.

— Ну, только иногда. Между главами.

— Что-то в этой книжке удивительно короткие главы.

— Послушай, жертва нарциссизма, не такая уж ты красавица!

— Конечно, нет. Но что я могу сделать, если ты меня такой воображаешь?

Я швырнул книгу на пол, пересек комнату и подошел к ней вплотную.

— Дженни, ради Бога, как я могу читать Джона Стюарта Милля, если каждое мгновение я до смерти хочу тебя?

Она нахмурилась.

— Ну, Оливер, пожалуйста.

Я примостился около ее стула. Она опять углубилась в книгу.

— Дженни...

Она медленно закрыла книгу, положила ее на пол, а потом опустила руки мне на плечи.

— Пожалуйста, Оливер...

И тут все случилось. Все.

Наша первая близость была совершенно не похожа на нашу первую встречу и наш первый разговор. Все было так тихо, так нежно, так ласково. До этого я никогда не подозревал, что это и есть настоящая Дженни, такая мягкая и нежная, и что в ее легких прикосновениях столько любви. И что удивило меня больше всего, так это моя собственная реакция. И я был мягким и ласковым. Я был нежным. Неужели это и был истинный Оливер Бэрретт IV?

Как я уже говорил, до этого я всегда видел Дженни полностью одетой, разве что на кофточке у нее была расстегнута одна лишняя пуговица. Поэтому я был немного удивлен, обнаружив, что она носит крошечный золотой крестик на цепочке без застежки. То есть, когда мы любили друг друга, крестик был на ней. Потом (в этот миг «все» и «ничего» значат одно и то же) я дотронулся до маленького крестика и спросил, как отнесся бы ее духовный отец к тому, что мы лежим в постели, ну и так далее. Она ответила, что духовника у нее нет.

— Но ведь ты послушная верующая девушка? — удивился я.

— Да, я девушка, — согласилась она. — И я послушная.

Она посмотрела на меня, ожидая подтверждения, и я улыбнулся. Она улыбнулась мне в ответ:

— Так что попадание — два из трех. Тогда я задал ей вопрос о крестике на запянной цепочке. Она объяснила, что это крестик ее матери; это память, а религия здесь ни при чем. И мы снова заговорили о нас.

— Эй, Оливер, а я тебе говорила, что люблю тебя? — спросила она.

— Нет, Джен.

— А почему же ты не спрашивал?

- Если честно, то я боялся.
- Ну, тогда спроси меня сейчас.
- Ты меня любишь, Дженни? Она взглянула на меня.
- А ты как думаешь?
- Да. Пожалуй. Вероятно. Наверное, любишь. Я поцеловал ее в шею.
- Оливер?
- Да?
- Я тебя люблю не просто так... (О, Боже мой, в каком смысле?..)
- Я очень люблю тебя, Оливер.

Глава 6

Я люблю Рэя Стрэттона.

Конечно, он не гений и не великий футболист (на поле ему не хватает скорости), но он всегда был хорошим соседом по комнате и надежным другом. А сколько пришлось вынести этому несчастному ублюдку в последнем семестре! Интересно, куда же он шел заниматься, если видел висящий на дверной ручке галстук (традиционный знак, что «внутри заняты делом»)? Честно говоря, он не особенно перетруждал себя учебной работой, но ведь *иногда* ему все же приходилось заниматься... Допустим, он шел в библиотеку, или в соседнее общежитие, или, наконец, в студенческий клуб. Но вот где спал он в те субботние ночи, когда Дженни и я пренебрегали внутриуниверситетскими порядками и не расставались даже ночью? И Рэю приходилось скитаться по соседним комнатам и ютиться на диванчиках — разумеется, если соседи не занимались тем же, чем и мы...

Но как я отблагодарил его? Некогда я делился с ним мельчайшими подробностями моих любовных триумфов. Теперь же, попирая его законные соседские права, я ни разу не поговорил с ним откровенно и даже не признавался, что мы с Дженни любовники. Я просто сообщал, когда нам понадобится комната, ну и так далее. И Стрэттон мог думать все что угодно.

— О Господи, Бэрретт, ну между вами есть хоть что-нибудь? — канючил он постоянно.

— Рэймонд, пожалуйста, будь другом, не спрашивай меня об этом.

— Но, Боже мой, Бэрретт, — все вечера, ночи с пятницы на субботу, ночи с субботы на воскресенье! Господи, чем вы еще можете заниматься?

— Ну и не дергайся, если все знаешь.

— Это ненормально.

— Что именно?

— Да все это, Ол. Такого же никогда не было. То есть я имею в виду вот что: ты молчишь, как воды в рот набрал, и ничего не

рассказываешь старине Рэю. Это ненормально. Или она особенная какая, что ли?

— Слушай, Рэй, когда любят по-настоящему...

— Любят?!

— Только не произноси это слово как ругательство.

— В твои годы? Любовь? Боже, да я просто боюсь за тебя, дружище!

— Боишься? Что я схожу с ума?

— Что ты женишься. Я боюсь за твою свободу. И за твою жизнь!

Бедный Рэй! Он действительно так думал.

— Боишься остаться без соседа, да?

— Черт возьми, в некотором смысле я даже *приобрел* еще одного соседа — она же отсюда не вылезает!

Я собирался на концерт и поэтому хотел закончить этот разговор как можно скорей.

— Не напрягайся, Рэймонд, мы еще пошумим в той квартирке в Нью-Йорке. Каждую ночь новые девочки. Все впереди.

— Не надо меня успокаивать. Да, Бэрретт... эта девица здорово тебя зацепила.

— Ситуация под контролем, — ответил я. — Отдыхай.

Поправляя на ходу галстук, я пошел к двери. Но Стрэттон оставался безутешен.

— Эй, Олли...

— Ну что еще?

— Но вы ведь занимаетесь *этим*, правда?

— Господи ты Боже мой, Стрэттон!

Нет, в тот вечер я не вел Дженни слушать концерт. Я шел слушать Дженни, Общество друзей Иоганна Себастьяна Баха давало концерт в Данстер Хаус, и Дженни исполняла соло на арфе в Пятом Бранденбургском концерте. Конечно, я много раз слышал, как она играет, но еще ни разу не присутствовал на ее публичном выступлении с ансамблем или оркестром. Боже, как я гордился ею! По-моему, она не сделала ни одной ошибки.

— Даже не верится — ты играла просто потрясающе, — сказал я после концерта.

— Теперь я вижу, как ты разбираешься в музыке, Преппи.

— Нормально разбираюсь.

Мы пересекли Мемориал Драйв, чтобы пройтись вдоль реки.

— Ну когда же ты поумнеешь, Бэрретт? Да, я играю вполне прилично. Но не потрясающе. И даже не занимаю первых мест, как ты со своей хоккейной командой. Просто нормально, понял? О'кэй?

Спорить было бесполезно, потому что Дженни захотелось поскромничать.

— О'кэй. Ты играешь нормально. Вот и держись на этом уровне.

— А кто сказал, что я не собираюсь держаться на этом уровне? Господи Боже мой! Я ведь буду учиться у Нади Буланже.

О чем это она говорит, черт возьми? И по тому, как она неожиданно замолчала, я почувствовал, что есть нечто такое, о чем ей не хочется говорить.

— У кого? — переспросил я.

— У Нади Буланже. Это знаменитая преподавательница музыки. В Париже. — Она проговорила два последних слова как-то слишком торопливо.

— В Париже? — произнес я не сразу.

— Американцев она берет очень редко. Мне повезло. Я даже стипендию получила.

— Дженнифер, ты собираешься в Париж?

— Я никогда не была в Европе. Мне очень хочется туда поехать.

Я схватил ее за плечи. Может быть, слишком грубо. Я не знаю.

— Эй, и давно ты туда собралась? Впервые в жизни Дженнифер не смотрела мне прямо в глаза.

— Олли, не глупи, — сказала она. — Это неизбежно.

— Что неизбежно?

— Что мы заканчиваем колледж, и каждый идет своей дорогой. Ты поступаешь в Школу Права...

— Минуточку. Это ты о чем?

— Не глупи, Олли, — повторила она. — Гарвард — это как рождественский мешок Санта Клауса. Он набит всякими сумасшедшими игрушками. Но когда праздник заканчивается, тебя вытряхивают... — Она немного помедлила. — ...И ты оказываешься там, где тебе и положено быть.

— Ты что, собираешься печь пирожки в Крэнстоне, Род-Айленд?

Все это я говорил от отчаяния.

— Печенье, — сказала она. — И не смей издеваться над моим отцом.

— А ты не смей бросать меня, Дженни. *Пожалуйста!*

— А как же моя стипендия? А Париж, который я так ни разу и не видела за всю мою чертову жизнь?

— А как же наша свадьба?

— А разве кто-нибудь когда-нибудь говорил о свадьбе?

— Я. Я сейчас об этом говорю.

— Ты хочешь жениться на мне?

— Да.

Она склонила голову набок и серьезно поинтересовалась:

— Почему?

Я посмотрел ей прямо в глаза:

— А потому.

— А-а, — сказала она. — Это убедительно. Она взяла меня под руку (а не за рукав, как раньше), и мы молча пошли вдоль реки. Все уже было сказано.

Глава 7

Ипсвич (штат Массачусетс) находится приблизительно в сорока минутах езды от Мистик Ривер Бридж — впрочем, это зависит еще от погоды и от того, как вы водите машину. Однажды мне удалось проделать этот путь за двадцать девять минут...

— Ты гонишь как сумасшедший, — заметила Дженни.

— Это Бостон, — отозвался я. — Здесь все ездят как сумасшедшие. — В этот момент я как раз притормозил на красный свет.

— Я боялась, что нас убьют твои родители, но, кажется, ты сделаешь это раньше.

— Послушай, Джен, мои родители — прелестные люди.

Зажегся зеленый, и через десять секунд мой «эм-джи» уже мчался со скоростью шестьдесят миль в час.

— Даже Сукин Сын? — уточнила она.

— Кто?

— Оливер Бэрретт III.

— А-а, да он же отличный парень. Тебе он обязательно понравится.

— Откуда ты знаешь?

— Он нравится всем.

— Тогда почему он тебе не нравится?

— Именно потому, что он нравится всем, — ответил я.

И вообще, зачем я вез ее знакомиться с ними? Разве я нуждался в благословении Камнелицега? Но дело в том, что, во-первых, этого захотела она («Так принято, Оливер»), а во-вторых, Оливер III был моим банкиром в самом паршивом смысле слова: он платил за мое проклятое обучение.

Я свернул на Гротон Стрит — по этой дороге я гоняю с тринадцати лет и в повороты вписываюсь на любой скорости.

— Странно, здесь нет домов, — удивилась Дженни, — одни деревья.

— Дома за деревьями.

Когда едешь по Гротон Стрит, надо быть очень внимательным, иначе можно пропустить поворот к нашему дому. Так и случилось. И,

только пролетев еще триста ярдов, я спохватился и резко затормозил.

— Где мы? — спросила она.

— Проскочили поворот, — буркнул я, ругая себя самыми последними словами.

И было что-то символическое в этом возвращении, в этих трехстах ярдах, отделявших нас от поворота к моему дому. Во всяком случае, въезжая во владения Бэрреттов, я сбавил скорость. От Гротон Стрит до Доувер Хаус, по меньшей мере, полмили. А вдоль дороги, по обеим сторонам... ну, в общем, много чего понастроено. Думаю, все это выглядит достаточно внушительно, особенно поначалу.

— Ни фиги себе! — проговорила Дженни.

— В чем дело?

— Притормози, Оливер. Я серьезно. Останови машину.

Я остановился. Она сидела, стиснув руки.

— Послушай, я не знала, что все это будет выглядеть так.

— Так — это как?

— Ну, так величественно. Слушай, могу поспорить — у вас тут, наверное, и рабы есть.

Я хотел протянуть руку и дотронуться до нее, но ладони у меня были непривычно влажные, и тогда я попытался успокоить ее словами.

— Да ладно, Джен. Считай, что мы поехали проветриться.

— Разумеется, но почему мне вдруг захотелось, чтобы меня звали, скажем, Абигайль Адамс или Венди БАСП^[7]?

К дому мы подъехали в полном молчании. Потом припарковались, подошли к парадной двери, позвонили и стали ждать. Тут, в последнюю минуту, Дженни вдруг запаниковала.

— Давай убежим, — предложила она.

— Давай останемся и поборемся, — сказал я. Шутил ли кто-нибудь из нас? Дверь открыла Флоренс, верная старая служанка семейства Бэрреттов.

— О, мастер Оливер, — обрадовалась она. Боже, как я бешусь, когда меня называют «мастер», подразумевая унижительное для меня различие между мистером Камнелицым и мной!

Мои родители, как сообщила Флоренс, ожидали нас в библиотеке. Дженни была потрясена портретами, мимо которых мы проходили. И не только потому, что некоторые принадлежали кисти Джона Сингера

Сарджента (в частности, знаменитый портрет Оливера Бэрретта II, иногда выставляемый в Бостонском музее).

— Господи Иисусе, — сказала Дженни, кивая на портреты. — Выходит, что они построили пол-Гарварда.

— Это все ерунда, — сообщил я.

— Значит, ты и к Сьюэл Боут Хаус имеешь отношение?

— Да, я происхожу из древнего рода каменщиков. Длинный ряд портретов заканчивался стеклянной витриной. В ней хранились трофеи. Спортивные трофеи.

— Потрясающе! — воскликнула Дженни. — Ничего подобного я не видела, и, главное, они прямо как из золота и серебра.

— Они из золота и серебра.

— Боже мой! Твои?

— Нет. Его.

Общеизвестно, что Оливер Бэрретт III не был призером Амстердамской Олимпиады. Тем не менее, на его долю все же выпадали гребные триумфы. Иногда. Довольно часто. И теперь Дженнифер стояла, ослепленная блестящими свидетельствами этих побед.

— У нас в Крэнстоне есть Лига кегельбанщиков, но даже там такие штуки не вручают. — И тут она решила бросить камешек в мой огород. — А у тебя есть трофеи, Оливер?

— Да.

— Под стеклом?

— В моей комнате, под кроватью.

Тут Дженни вдруг превратилась в пай-девочку и прошептала:

— Мы на них потом посмотрим, угу? Не успел я проникнуться смыслом этого заманчивого предложения насчет прогулки в мою комнату, как нас прервали.

— А-а, привет!

Вот сукинсыство. Это был Сукин Сын.

— О, здравствуйте, сэр. Знакомьтесь, это Дженнифер...

— А, привет!

Я еще не успел представить его Дженни, а он уже тряс ей руку. И еще я заметил, что вместо традиционного Костюма Банкира на Оливере III был модный кашемировый джемпер. А каменное выражение лица он сменил на пакостную улыбочку.

— Пойдемте, я познакомлю вас с миссис Бэрретт. Для Дженнифер был припасен еще один трепетно неповторимый миг: знакомство с Элисон Форбс «Типси» Бэрретт^[8]. Иногда с патологическим упрямством я старался представить себе, как могло повлиять на нее это школьное прозвище, не стань она волею судеб истово-добродетельной попечительницей музея. Неважно, что Типси Форбс так и не закончила Смит Колледж. Она сбежала со второго курса, получив от родителей восторженное благословение на брак с Оливером Бэрреттом III.

— Это моя жена, Элисон, а это Дженнифер.

Он уже узурпировал мое право представлять Дженни.

— Калливери, — добавил я, поскольку Камнелицый не знал ее фамилии.

— Кавиллери, — вежливо поправила меня Дженни, так как я неверно произнес ее фамилию. Первый и последний раз в моей проклятой жизни...

Моя мать и Дженни обменялись рукопожатиями, а также традиционными для нашего дома банальными любезностями. Все сели и замолчали. Я пытался понять, что происходит. Несомненно, моя мать присматривалась к Дженни, оценивая ее костюм (сегодня в ней не было ничего богемного), ее позу, манеры и произношение. Должен сознаться, что, хоть Дженни и старалась придерживаться самого изысканного политеса, ее родной Крэнстон давал о себе знать. Очевидно, Дженни тоже приглядывалась к моей матери. Говорят, что так поступают все девушки. Наверное, таким образом они лучше узнают парней, за которых собираются выйти замуж. Вероятно, приглядывалась она и к Оливеру III. Интересно, заметила ли Дженни, что он выше меня? А что она думает про его кашемировый джемпер?

Конечно, Оливер III, как водится, сосредоточил весь свой огонь на мне.

— Ну, как живешь, сын?

Для человека, окончившего Гарвард, он удивительно нудный собеседник.

— Прекрасно, сэр. Прекрасно. Заботясь о равномерном течении беседы, моя мать спросила у Дженнифер:

— Надеюсь, вы хорошо доехали?

— Да, — ответила Дженни, — хорошо и быстро.

— Оливер всегда ездит быстро, — вмешался Камнелицый.

— Готов спорить, что не быстрее, чем ты, отец, — парировал я.

Интересно, что он на это скажет?

— М-да... Полагаю, не быстрее. Смотри, не проспори свою задницу, отец. Моя мать, которая всегда и во всем принимала его сторону, тут же перевела разговор на более отвлеченные темы — живопись, музыка... Впрочем, я не прислушивался. Через какое-то время в моей руке оказалась чашка чаю.

— Спасибо, — поблагодарил я и добавил: — Мы скоро уже поедем.

— Что-что? — пробормотала Дженни. Кажется, они говорили о Пуччини или еще о чем-то в этом роде и мою реплику сочли несколько неуместной. Моя мать взглянула на меня (уникальное событие!).

— Но ведь вы приехали на обед, не так ли?

— Э-э, мы не можем остаться, — сказал я.

— Именно так, — ответила Дженни почти одновременно со мной.

— Мне необходимо вернуться, — объяснил я Дженни совершенно серьезно.

Она бросила на меня взгляд, означавший: «Что ты такое несешь?» И тогда Камнелицый произнес:

— Вы остаетесь обедать. Это приказ. Даже наигранная улыбка не смягчила резкости его тона. Ну нет, такой фигни я не потерплю даже от финалиста Олимпиады.

— Мы не можем, сэр, — повторил я.

— Мы должны, Оливер, — проговорила Дженни.

— Почему?

— Потому что мне хочется есть, — ответила она. Мы сели за стол, покорные желанию Оливера III. Он низко склонил голову. Мать и Дженни последовали его примеру. Я тоже опустил глаза.

— Благослови нашу трапезу для нашего блага и нас для служения Тебе и помоги нам всегда помнить о нуждах и желаниях других. Об этом мы просим Тебя, во имя Сына Твоего Иисуса Христа. Аминь.

Господи Иисусе, я был просто раздавлен. Мог бы хоть сегодня не утомлять нас своим благочестием. Что подумает Дженни? Ведь это же какой-то пережиток Средневековья!

— Аминь! — произнесла моя мать. (Дженни тоже, очень тихо.)

— Свисток — мяч в игре! — сострил я. Никто не улыбнулся. А Дженни вообще отвела взгляд и стала смотреть куда-то в сторону. Оливер III быстро глянул на меня через стол.

— Очень жаль, Оливер, что ты хоть изредка не играешь в бейсбол.

Обед проходил не в полном молчании, благодаря замечательному дару моей матери поддерживать светскую беседу.

— Так, значит, вы родом из Крэнстона, Дженни?

— Частично. Моя мать из Фолл Ривер.

— Бэрретты владеют несколькими предприятиями в этих местах, — заметил Оливер III

— ...веками эксплуатируя несчастных бедняков, — подхватил Оливер IV.

— В девятнадцатом веке, — уточнил Оливер III. Моя мать улыбнулась, очевидно, довольная тем, что ее Оливер выиграл эту подачу. Ну, нет уж!

— А как насчет планов автоматизации производства и сокращения рабочих мест? — отбил я мяч с лету.

Наступило молчание. Я ждал сокрушительного ответного удара.

— А как насчет кофе? — спросила Элисон Форбс Типси Бэрретт.

Для заключительного раунда мы перешли в библиотеку. Назавтра меня и Дженни ожидали занятия, Камнелицега — дела в банке и многое другое. Разумеется, и Типси запланировала какое-нибудь неотложное дело на раннее утро.

— Сахару, Оливер? — спросила моя мать.

— Оливер всегда пьет кофе с сахаром, дорогая! — сказал мой отец.

— Спасибо, только не сегодня, — ответил я. — Без молока и без сахара, мама.

Вот так мы и сидели, с чашками кофе, нам было очень уютно и абсолютно нечего сказать друг другу. Поэтому я и решил подбросить тему для разговора.

— Послушай, Дженнифер, — поинтересовался я, — что ты думаешь о Корпусе Мира? Она только нахмурилась в ответ.

— О, значит, ты уже рассказал им об этом? — спросила моя мать у моего отца.

— Сейчас не время, дорогая, — отозвался Оливер III с той наигранной скромностью, которая буквально взывала: «Ну

расспросите меня, расспросите». Деваться было некуда.

— А что случилось, отец?

— Ничего особенного, сын.

— Не понимаю, как ты можешь так говорить, — воскликнула моя мать и повернулась ко мне, чтобы без потерь донести до меня эту важную новость. (Я же говорил, что она всегда и во всем принимает его сторону.) — Твой отец собирается возглавить Корпус Мира.

— О-о!

Дженни тоже сказала «О-о», но с надлежащей радостью в голосе. Мой отец пытался изобразить смущение, а моя мать, кажется, ожидала, что я паду ниц или сделаю еще что-нибудь в этом роде. Подумаешь, тоже мне госсекретарь нашелся!

— Поздравляю вас, мистер Бэрретт! — Дженни взяла инициативу на себя.

— Да. Поздравляю вас, сэр. Мать так и распирало от желания поговорить об этом.

— Я уверена, что подобная деятельность исключительно облагораживает.

— О, несомненно, — согласилась Дженни.

— Да, — сказал я без особого воодушевления. М-м, передайте мне сахар, пожалуйста.

Глава 8

— Ну, Дженни, подумаешь — тоже мне госсекретарь нашелся!

Слава Богу, мы наконец-то возвращались в Кембридж.

— Все равно, Оливер, ты мог бы проявить побольше энтузиазма.

— Я же сказал: «Поздравляю».

— Ужасно великодушно с твоей стороны.

— А ты-то чего хотела?

— Боже мой, — ответила она, — да меня просто тошнит от всего этого.

— И меня тоже, — добавил я. Довольно долго мы ехали в полном молчании, но что-то было не так.

— Отчего тебя тошнит, Джен? — спросил я как бы вдогонку.

— От того, как отвратительно ты ведешь себя со своим отцом.

— Так же отвратительно, как и он со мной. Дженни развернула широкомасштабную кампанию по пропаганде отцовской любви. Ну, в общем, типичный итало-средиземноморский синдром. И еще она говорила, какой я наглец.

— И ты к нему все цепляешься, и цепляешься, и цепляешься...

— Это взаимно, Джен. Ты могла бы заметить.

— Я думаю, ты ни перед чем не остановишься, лишь бы «достать» своего отца.

— Невозможно «достать» Оливера Бэрретта III. Последовало непродолжительное, но странное молчание, и потом Дженни сказала:

— Невозможно... Разве что жениться на Дженнифер Кавиллери...

У меняхватило хладнокровия, чтобы припарковаться возле рыбного ресторанчика, после чего я повернулся к Дженнифер — злой как черт.

— Ты в самом деле так думаешь?

— Я думаю, что это одна из причин, — произнесла она совершенно спокойно.

— Дженни, значит, ты не веришь, что я люблю тебя?! — закричал я.

— Любишь, — ответила она все так же тихо, — но как-то странно... Ты ведь любишь еще и мое булочно-крэнстонское происхождение.

Я не знал, что ответить, и ограничился заурядным «нет», но зато повторил это слово несколько раз и с разной интонацией. Я был настолько расстроен, что мне даже пришла в голову мысль: а вдруг в ее ужасном предположении есть доля правды?

Но Дженни тоже было не по себе.

— Я никого не осуждаю, Олли. Просто мне кажется, что это одна из причин. Ведь и я люблю не только тебя самого. Я люблю твоё имя. И даже твой номер. — Она отвернулась, словно собиралась заплакать, но не заплакала. — В конце концов, это тоже часть тебя, — закончила она свою мысль.

Некоторое время я сидел, разглядывая мигающую надпись «Лангусты и устрицы». Как я любил в Дженни эту её способность заглянуть в меня и понять даже то, чему я сам не находил названия. Именно это она сейчас и сделала. И пока я не желал признать своё несовершенство, она уже примирилась и с моим несовершенством, и со своим собственным. Боже, как скверно на душе!

Я не знал, что ответить.

— Хочешь лангуста или устриц?

— А в зубы хочешь, Преппи?

— Да, — сказал я.

Она сжала руку в кулак и нежно примерила его к моей щеке. Я поцеловал её кулачок, но, когда попытался обнять её, она оттолкнула меня и рывкнула, как настоящая бандитка:

— А ну заводи! Хватай руль — и поехали!! И я поехал. Я поехал.

Комментарии моего отца сводились в основном к тому, что я чересчур стремителен и опрометчив. Не помню дословно, но главным образом его проповедь во время нашего официального ленча в Гарвард Клубе касалась моей излишней торопливости. Для начала он порекомендовал мне не спешить и тщательно прожевывать пищу. Я вежливо заметил, что, будучи достаточно взрослым человеком, больше не нуждаюсь не только в корректировании, но даже в комментировании моего поведения. Он высказал мнение, что даже лидеры мирового масштаба порой нуждаются в конструктивной критике. Я воспринял это как не слишком тонкий намек на его недолгое пребывание в Вашингтоне в период первой администрации Рузвельта...

Впрочем, наш очередной «недоразговор» пока не был закончен: предстоял еще один раунд. Было совершенно очевидно, что главной темы мы упорно избегаем.

— Отец, ты ничего не сказал о Дженнифер.

— А что тут говорить? Ты поставил нас перед свершившимся фактом, разве не так?

— И что ты *думаешь*, отец?

— Я думаю, что Дженнифер достойна восхищения. Для девушки ее происхождения пробыться в Рэдклифф — это...

Охмуря меня этой псевдоуниверсальной бодягой, он явно уклонялся от прямого ответа.

— Говори по делу, отец.

— Дело совсем не в молодой леди. Дело в тебе, сын.

— Да? — удивился я.

— Это бунт. Ты бунтуешь, сын.

— Отец, я не понимаю. Женитьба на красивой, умной девушке из Рэдклиффа — это бунт? Ведь она не какая-нибудь чокнутая хипповка!

— Да, она не хиппи, но она и не... Ага, начинается. Цирлих-манирлих.

— Да, она не протестантка, и она не богата. Так что же тебя отталкивает больше, отец?

Он ответил шепотом, слегка подавшись ко мне:

— А что больше привлекает тебя? Мне захотелось встать и уйти. И я сказал ему об этом.

— Ты останешься и будешь вести себя, как мужчина.

А как веду себя я? Как мальчик? Как девочка? Как мышь? И я не ушел. Наверное, Сукин Сын получил от этого огромное удовлетворение. Еще бы, он опять — в который раз! — побеждал меня.

— Я только прошу тебя немного подождать, — сказал Оливер Бэрретт III.

— Что значит «немного»?

— Окончи школу Права. Истинное чувство выдержит испытание временем.

— Конечно, выдержит, но какого черта я должен его испытывать?

Думаю, он понял меня. Да, я сопротивлялся. Сопротивлялся этой попытке: его праву судить, его манере владеть и распоряжаться моей жизнью.

— Оливер... — Он начал новый раунд. — Ты еще несовершеннолетний.

— Что значит «несовершеннолетний»? — Я уже терял терпение. — В каком смысле?

— Тебе нет двадцати одного года, и с точки зрения закона ты еще не стал взрослым.

— Да я в гробу видал твои вшивые законы! Возможно, сидевшие за соседними столиками услышали это мое высказывание. И, словно в противовес моему крику, Оливер III произнес язвющим шепотом:

— Повторяю — жениться тебе не время. Если ты это сделаешь, можешь ко мне не обращаться. Я даже не отвечу тебе, который час.

Ну и плевать, если кто-нибудь нас услышит.

— Да что ты можешь знать о времени, отец?! Так я ушел из его жизни и начал свою.

Глава 9

Оставалась еще проблема Крэнстона (Род-Айленд) — этот городишко расположен немного дальше от Бостона, чем Ипсвич, с той лишь разницей, что Ипсвич находится на севере, а Крэнстон — на юге. После того, как знакомство Дженнифер с ее потенциальными законными родственниками закончилось катастрофой («Как же мне их теперь называть — незаконными родственниками?» — спросила она), я ожидал встречи с ее отцом без всякого энтузиазма. Я готов был мужественно выдержать шквал любвеобильного италосредиземноморского синдрома, осложненного еще и тем, что Дженни — единственный ребенок и к тому же выросла без матери, а, следовательно, узы, связывающие ее с отцом, прочны и аномальны. Я готовился противостоять любому комплексу, описанному в книжках по психологии.

И, помимо всего прочего, я был без денег. В самом деле, представьте себе на секунду некоего Оливеро Барретто, приятного итальянского мальчугана, живущего в одном из кварталов Крэнстона (Род-Айленд). Вот он идет знакомиться с мистером Кавиллери, который добывает свой хлеб насущный, работая городским шеф-пекарем, и вот он говорит:

— Я хочу жениться на вашей единственной дочери Дженнифер.

О чем спросит этот старик в первую очередь? Конечно, он не подвергнет сомнению любовь Барретто к Дженнифер, ибо знать Дженни — значит любить Дженни: это непреложная истина. Нет, мистер Кавиллери скажет что-нибудь вроде:

— Барретто, а на что ты собираешься кормить мою дочь?

Теперь представьте себе, как отреагирует добропорядочный мистер Кавиллери, если Барретто проинформирует его о том, что все как раз наоборот и по крайней мере в течение трех ближайших лет его дочь будет кормить его зятя! После всего этого любой на месте добропорядочного мистера Кавиллери укажет Барретто на дверь или даже выкинет его вон — разумеется, если Барретто не будет обладать моими габаритами...

Ставлю на кон свою задницу, так и случится.

Вот почему в тот воскресный майский день, когда мы ехали на юг по шоссе № 95, я подчинялся каждому ограничительному знаку. Дженни, которая уже привыкла к обычным темпам моей езды, пожаловалась, что даже там, где разрешено делать сорок пять миль в час, я ползу со скоростью сорок. Я сказал ей, что машина барахлит, но она этому не поверила.

— Расскажи мне об этом еще раз, Дженни. Терпеливость не входила в число ее добродетелей, и она не собиралась крепить мою веру в себя до бесконечности, повторяя ответы на мои дурацкие вопросы.

— Дженни, ну еще один раз, пожалуйста.

— Я ему позвонила. Я ему все сказала. Он ответил «о'кэй». По-английски. Можешь не верить, но я тебе уже говорила и повторяю: по-итальянски он не знает ни черта, за исключением нескольких ругательств.

— Допустим, но что тогда *означает* «о'кэй»?

— Ты хочешь сказать, что в Гарвардскую Школу Права приняли человека, который не понимает, что такое «о'кэй»?

— Это не юридический термин, Дженни. Она дотронулась до моей руки. Слава Богу, хоть это я еще понимал. Но мне все-таки требовались разъяснения. Я должен знать, что меня ждет.

— «О'кэй» можно понять и по-другому: «Ладно, так уж и быть, стерплю».

В ее сердце все же нашлось место для сострадания, и она повторила в энный раз подробности разговора с отцом. Он был счастлив. На самом деле. Посылая ее в Рэдклифф, он и не ждал, что она вернется в Крэнстон и выйдет за какого-нибудь соседского парня (который, между прочим, звал Дженни замуж как раз перед ее отъездом). Сначала Фил даже не поверил, что ее суженого зовут Оливер Бэрретт IV, и обратился к дочери с убедительной просьбой не нарушать Одиннадцатую Заповедь.

— Это какую же? — спросил я ее.

— Не дури отца своего! — О!

— Вот и все, Оливер. Правда.

— А он знает, что я бедный?

— Да.

— И его это не смущает?

— Теперь по крайней мере у тебя с ним есть что-то общее.

— Но ведь он бы наверняка порадовался, если б у меня нашлась пара долларов, верно?

— А ты бы не порадовался?

Я заткнулся и всю оставшуюся дорогу молчал.

Дженни жила на улице под названием Гамильтон авеню, представлявшей собой ряд деревянных домов, перед которыми можно было видеть множество играющих детей и несколько чахлах деревьев. Я медленно ехал вдоль улицы, выбирая место для стоянки, и чувствовал себя так, как будто находился в другой стране. Прежде всего, здесь было очень много людей. Целые семьи в полном составе сидели на крылечках своих домов и наблюдали, как я пытаюсь припарковать свой «эм-джи». Очевидно, никакого другого более интересного занятия в этот воскресный день после полудня у них не намечалось.

Дженни выпрыгнула из машины первой. В Крэнстоне у Дженни проявились какие-то странные инстинкты, и она стала похожа на маленького прыткого кузнечика. Когда же на крылечках поняли, кто моя пассажирка, раздался единодушный приветственный клич. Услышав эти крики восторга по поводу прибытия Дженни, я засмутился и чуть было не остался в автомобиле. Увы, ведь я даже отдаленно не напоминал гипотетического Оливеро Барретто!

— Эй, Дженни! — смачно крикнула какая-то матрона.

— Эй, миссис Каподилупо! — завопила в ответ Дженни.

Я выкарабкался из машины, и все тут же усталились на меня.

— Эй, а это кто? — заорала миссис Каподилупо. Не очень-то тут церемонятся...

— Да так, кое-кто! — прокричала Дженни в ответ. И это удивительным образом повлияло на мою уверенность в себе.

— Ну и ладно! — взревела миссис Каподилупо. — Но вот девчонка рядом с ним — это кое-что!

— Он знает, — ответила Дженни. Затем она повернулась, чтобы удовлетворить любопытство соседей по другую сторону улицы. — Он знает, — сообщила она целой ораве своих вновь прибывших болельщиков.

Она взяла меня за руку и, словно вводя в рай, повлекла по ступенькам к дому номер 189-а по улице под названием Гамильтон

Авеню.

...Момент был неловкий.

Я просто стоял, а Дженни сказала:

— Это мой отец.

И Фил Кавиллери, крепко сбитый (приблизительно: рост 5 футов 9 дюймов, вес 165 фунтов) пятидесятилетний обитатель Род-Айленда, протянул мне руку. Рукопожатие у него было сильное.

— Здравствуйте, сэр.

— Фил, — поправил он меня. — Меня зовут Фил.

— Фил, сэр, — повторил я, продолжая сжимать ему руку.

Момент был ужасный. Потому что, едва отпустив мою руку, мистер Кавиллери повернулся к своей дочери и завопил:

— Дженнифер!

Какую-то долю секунды ничего не происходило. А потом они начали обниматься. Крепко. Очень крепко. Раскачиваясь туда-сюда. Все, что мистер Кавиллери говорил далее, сводилось к повторению (теперь очень тихому) имени дочери: «Дженнифер». А все, что могла сказать в ответ его дочь, оканчивающая с отличием Рэдклифф, составляло тоже одно слово: «Фил».

Несомненно, я был здесь третьим лишним.

В тот день меня выручило мое приличное воспитание. Сколько раз мне читали лекции о том, что нехорошо разговаривать с набитым ртом. Фил и его дочка прямо-таки сговорились держать мое ротовое отверстие набитым, и я в полном молчании проглотил рекордное количество итальянских пирожных. После этого я пустился в долгие рассуждения, подвергая съеденное сравнительному анализу (а съел я, боясь обидеть хозяев, по две штуки каждого сорта — к восторгу обоих Кавиллери).

— С ним все о'кэй, — сказал Фил Кавиллери своей дочери.

Что бы это могло значить на этот раз? Мне не нужно было объяснять значение слова «о'кэй», я просто хотел знать: которое из моих немногочисленных и тщательно продуманных действий снискало мне эту вожденную оценку?

Может, я удачно похвалил пирожные? А может быть, понравилось мое рукопожатие? Что именно?

— Я же говорила тебе, что с ним все о'кэй. Фил, — сказала дочь мистера Кавиллери.

— О'кэй-то о'кэй, — произнес ее отец, — но я должен был убедиться в этом. И я убедился. Оливер?.. Теперь он обращался ко мне.

— Да, сэр?

— Фил.

— Да, Фил, сэр?

— С тобой все о'кэй.

— Спасибо, сэр. Я очень тронут. Честное слово. Вы же знаете, как я отношусь к вашей дочери, сэр. И к вам, сэр...

— Оливер, — перебила меня Дженни, — да кончай ты лепетать как недоделанный...

— Дженнифер, — оборвал ее мистер Кавиллери, — ты могла бы воздержаться от сквернословия! Все-таки этот сукин сын — наш гость!

За обедом (оказалось, что пирожные — всего лишь закуска) Фил всерьез пытался поговорить со мной сами-знаете-о-чем. Ему в голову пришла совершенно сумасшедшая мысль: способствовать урегулированию отношений между Оливерами III и IV.

— Давай я ему позвоню и поговорю с ним, как отец с отцом, — просил он меня.

— Ну, Фил, это же бесполезная трата времени.

— Но я не могу спокойно видеть, как родитель отрекается от собственного ребенка, не могу!

— Да, но ведь я тоже отрекаюсь от него, Фил.

— Чтобы я больше от тебя этого не слышал. — Он начинал сердиться по-настоящему. — Отцовскую любовь надо беречь и уважать. Это большая редкость.

— Особенно в моем семействе, — заметил я. Дженнифер хлопотала, то подавая, то унося что-нибудь со стола, и поэтому в нашем разговоре почти не участвовала.

— Ну-ка, набери его номер, — повторил Фил. — Сейчас я этим займусь.

— Нет, Фил. Между мной и моим отцом полное охлаждение.

— Э, Оливер, он отгадет, можешь мне поверить, как только придет время идти в церковь...

В эту минуту Дженни, расставлявшая десертные тарелочки, произнесла коротко и зловеще:

— Фил...

— Да, Джен?

— Насчет церкви...

— Да?

— М-м... мы к этому не очень-то хорошо относимся, Фил.

— Да ну? — удивился мистер Кавиллери. И затем, вероятно, придя к неправильному выводу, он начал извиняться передо мной. — Я... хм-хм... не имею в виду обязательно католическую церковь, Оливер. Я имею в виду, что мы католики, — Дженнифер, конечно, говорила тебе. Но я имею в виду *твою церковь*, Оливер. Могу поклясться, что Господь Бог благословит ваш союз в любой церкви.

Я посмотрел на Дженни, которая, по-видимому, не смогла разъяснить своему отцу по телефону нашу точку зрения на этот жизненно важный вопрос.

— Оливер, — объяснила она, — я *не могла* вывалить на него еще и это.

— Вы о чем? — спросил неизменно любезный мистер Кавиллери. — Валите, детки, валите. Валите на меня все, что у вас в голове.

— Речь идет о Божьем благословении, Фил, — пояснила Дженни, отводя взгляд.

— Ну, Джен, дальше?.. — произнес Фил, опасаясь худшего.

— Ну, понимаешь, Фил, мы относимся к этому вроде как негативно, — объяснила Дженни и с мольбой посмотрела на меня.

Я постарался приободрить ее взглядом.

— К Богу? К Богу вообще? Дженни кивнула.

— Можно, я объясню, Фил? — спросил я.

— Пожалуйста, Оливер.

— Никто из нас двоих не верит в Бога, Фил. А лицемерами мы быть не хотим. Я думаю, он принял сказанное только потому, что оно исходило от меня. Дженни он мог бы, наверное, ударить. Но теперь он был третьим лишним и даже не решался поднять на нас глаза.

— Хорошо, — проговорил он после довольно долгого молчания, — могу я хотя бы узнать, кто совершит этот обряд?

— Мы сами, — ответил я.

После новой длинной паузы он повторил: «Хорошо», — и обратился ко мне, поскольку я собирался сделать карьеру в области юриспруденции, с вопросом: а будет ли такой брак — как бы это

выразиться — законным? Дженни рассказала ему, что тот обряд, о котором идет речь, будет совершен под присмотром капеллана унитарной церкви колледжа («А-а, капеллана», — пробормотал Фил), но суть церемонии заключается в том, что мужчина и женщина сами обращаются друг к другу.

— Неужели и невеста говорит? — Почему-то именно это окончательно добило его.

— Филипп, — поинтересовалась его дочь, — а ты себе можешь представить ситуацию, в которой я бы промолчала?

— Нет, детка, — ответил он, с трудом улыбнувшись. — Думаю, ты всегда найдешь, что сказать.

Когда мы возвращались в Кембридж, я спросил Дженни, как, по ее мнению, прошла встреча.

— О'кэй, — сказала она.

Глава 10

Мистер Уилльям Ф. Томсон, заместитель декана Гарвардской Школы Права, не мог поверить своим ушам.

— Я правильно вас понял, мистер Бэрретт?

— Да, сэр. — Мне было трудно в первый раз произнести это. И повторить тоже было не легче. — В следующем году мне нужна стипендия, сэр.

— Неужели?

— Именно поэтому я здесь, сэр. Ведь вы же распоряжаетесь финансовой помощью, не так ли, декан Томсон?

— Да, но все это так странно... Ваш отец...

— Он здесь ни при чем, сэр.

— Простите? — Декан Томсон снял очки и начал протирать их своим галстуком.

— Между мной и моим отцом возникли некоторые разногласия.

Декан снова надел очки и посмотрел на меня с тем невыразительным выражением, которому можно научиться, только став деканом.

— Это весьма прискорбно, мистер Бэрретт, — произнес он.

«Для кого»? — хотелось мне спросить. Этот парень, судя по всему, собирался отделаться от меня.

— Да, сэр. Весьма прискорбно. Но именно поэтому и пришел к вам, сэр. В следующем месяце моя свадьба. Все лето мы оба собираемся работать. Затем, Дженни — это моя жена — начнет преподавать в частной школе. На жизнь нам хватит, но на мое образование — нет. А плата у вас высокая, декан Томсон.

— М-да... — протянул он и замолчал. Ему что, непонятно, куда я клоню? Тогда на кой черт я здесь?

— Декан Томсон, мне нужна стипендия, — повторил я. В третий раз. — На моем счете нет ни цента, а меня уже зачислили к вам в Школу.

— А, да, — сказал мистер Томсон, пытаясь отвязаться от меня при помощи бюрократических отговорок, — срок для подачи заявлений на финансовую помощь уже давно истек...

Чего же еще хочет этот ублюдок? Скандальных подробностей? Или, может быть, скандала?

— Декан Томсон, когда я просил зачислить меня в Школу, я еще не знал, что так случится.

— Совершенно верно, мистер Бэрретт, но должен сказать вам, что, по моему мнению, нашей администрации не пристало вмешиваться в семейную ссору. Притом весьма прискорбную.

— О'кэй, декан, — проговорил я, вставая. — Я вижу, на что вы намекаете. Но я не собираюсь целовать задницу моему отцу для того, чтобы вы могли получить для вашей Школы что-нибудь наподобие Бэрретт Холла.

Уходя, я слышал, как декан Томсон пробормотал:

— Это несправедливо.

И я был с ним полностью согласен.

Глава 11

Дженнифер получила свой диплом в среду. Многочисленные родственники из Крэнстона, Фолл Ривера и даже одна тетка из Кливленда съехались в Кембридж, чтобы присутствовать на церемонии. Мы заранее договорились, что Дженни не будет надевать кольцо и представлять меня в качестве своего жениха, чтобы никто не обиделся, не получив приглашения на нашу скорую свадьбу.

— Тетя Клара, это мой друг Оливер, — говорила Дженни, неизменно добавляя: — Он еще не окончил колледж.

Родственники могли сколько угодно шептаться, пихать друг друга локтями и тайно сплетничать, но им так и не удалось выпытать никакой специфической информации ни у меня, ни у Дженни, ни у Филадельфия (который, как я догадываюсь, был счастлив избежать дискуссии на тему о любви двух атеистов).

В четверг я все-таки догнал Дженни, получив свой диплом об окончании Гарварда «с отличием», так же, как и она...

Мне ничего не было известно о присутствии на церемонии Оливера Бэрретта III. Утром Актового Дня^[9] более семнадцати тысяч заперли Гарвард Ярд, а я, естественно, не разглядывал толпу в бинокль. Билеты, предназначенные для родителей, я отдал Филу и Дженни. Конечно, как бывший гарвардец, Камнелицкий мог пройти без приглашения и сесть вместе с выпускниками 1926 года. Но, впрочем, зачем ему все это? Разве что банки в этот день были закрыты?

Мы поженились в воскресенье. Никто из родственников Дженни приглашения не получил — для них, истовых католиков, наш отказ от традиционного благословения во имя Отца, и Сына, и Святого Духа было бы мучительным. Бракосочетание происходило в Филлипс Брукс Хаус — старинном здании, расположенном в северной части Гарвард Ярда, а вел церемонию Тимоти Бловелт, капеллан унитарной церкви колледжа. Присутствовал Рэй Стрэттон, и еще я пригласил моего старого школьного друга Джереми Нэйхема — в свое время он предпочел Амхерст Гарварду. Дженни попросила прийти свою подружку из Бриггс Холла, а также — может быть, по какой-то сентиментальной прихоти — ту самую здоровенную нескладную

девицу, которая дежурила с ней в библиотеке день нашего знакомства. И, конечно. Фила. Я поручил Фила Рэю Стрэттону — ну, чтобы он особо не дергался, если это вообще возможно в такой момент. Хотя, надо сказать, и сам Стрэттон не был воплощенным спокойствием! Эти двое явно чувствовали себя неудобно, и каждый из них молчаливо усиливал предубеждение другого, что эта свадьба, устроенная на манер «сделай сам» (как выразился Фил), должна вылиться (как предсказывал Стрэттон) в «чудовищный фильм ужасов». И все это лишь потому, что я и Дженни хотели сказать друг другу несколько слов!

— Готовы ли вы? — спросил мистер Бловелт.

— Да, — ответил я за нас обоих.

— Друзья, — обратился мистер Бловелт ко всем остальным. — Мы собрались здесь, чтобы стать свидетелями того, как две жизни соединятся в брачном союзе. Давайте вслушаемся в те слова, которые они решили прочесть друг другу в этот священный миг. Сначала невеста. Дженни повернулась ко мне и продекламировала заранее выбранное ею стихотворение. Оно прозвучало очень трогательно — особенно для меня, потому что это был сонет Элизабет Бэрретт.

Две любящих души взмывают в небеса,
Все ближе, молча, и глаза — в глаза,
Из трепета переплетенных рук родится пламя...

Краем глаза я наблюдал за Филом Кавиллери. Он стоял бледный, слегка приоткрыв рот, и его расшившиеся глаза излучали изумление, смешанное с обожанием. Дженни дочитала сонет до конца. Он был как молитва о нашей жизни —

Увенчанной не смертным мраком ночи,
А пробуждением в любви иного бытия.

Настал мой черед. Я долго искал стихотворение, которое мог бы прочитать, не краснея. Это же настоящий кошмар — лепетать стишки, похожие на кружевные салфеточки! Я бы просто не смог. Но в

нескольких строчках из «Песни большой дороги» Уолта Уитмена было все то, что я хотел сказать:

...Я даю тебе свою руку!
Я даю тебе мою любовь,
она драгоценнее золота,
Я даю тебе себя самого раньше всяких
наставлений и заповедей;
Ну, а ты отдаешь ли мне себя?
Пойдешь ли вместе со мной в дорогу?
Будем ли мы неразлучны с тобой до последнего
дня нашей жизни?^[10]

Я закончил читать, и в комнате наступила удивительная тишина. Затем Рэй Стрэттон передал нам кольца, и мы — я и Дженни — сами произнесли слова брачного обета: начиная с этого дня, всегда быть рядом, любить и лелеять друг друга, пока смерть не разлучит нас.

Властью, данной ему Администрацией штата Массачусетс, мистер Бловелт объявил нас мужем и женой. ...Сейчас, по зрелом размышлении, я вспоминаю, что наша «вечеринка после матча» (как выразился Стрэттон) была претенциозно непритязательной. Дженни и я наотрез отказались от традиционного раута с шампанским, и мы пошли пить пиво к Кронину. Помнится, Джим Кронин выставил каждому по кружке пива бесплатно — в знак уважения к «величайшему хоккеисту Гарварда со времен братьев Клиари».

— Какого черта! — не соглашался Фил Кавиллери, стуча кулаком по столу. — Он лучше, чем все эти Клиари, вместе взятые.

Вероятно, Филипп хотел сказать (ведь игры Гарвардской хоккейной команды он не видел ни разу), что, как бы хорошо ни гоняли на коньках Бобби и Билли Клиари, ни один из них не сумел жениться на его очаровательной дочери. По-моему, все напились всмятку.

Я позволил Филу заплатить по счету, и позже не очень щедрая на похвалы Дженни отметила мою интуицию:

— Ты еще станешь человеком, Преппи! Правда, на автобусной остановке я пережил несколько паршивых минут. Глаза у всех

оказались на мокром месте: и Фила, и Дженни, и, кажется, мои тоже. Ничего не помню, кроме того, что наше прощание сухим, во всяком случае, не было.

Наконец, после всевозможных благословений Фил влез в автобус, а мы стояли и долго махали ему вслед, И лишь в этот момент до меня начал доходить смысл происшедшего.

— Дженни, а ведь мы законные супруги!

— Да, и теперь я могу быть стервой.

Глава 12

Нашу повседневную жизнь в течение тех первых трех лет можно описать одной-единственной фразой: «Где бы перехватить?» В состоянии бодрствования мы были зациклены исключительно на том, где бы, черт возьми, перехватить «капусты», которой бы хватило на то, на что ее в этот момент должно было хватить. Так мы и жили — в обрез... Вот обычный ход моих мыслей: «Сколько стоит эта книга? (У букиниста, должно быть, дешевле...) И где возможно — если вообще возможно — покупать в кредит хлеб и вино? И где бы снова перехватить, чтобы рассчитаться с долгами?»

Жизнь изменчива. Теперь, чтобы принять какое-нибудь простейшее решение, нужно было собирать мозги на заседание бдительной бюджетной комиссии.

— Эй, Оливер, пошли в театр — сегодня «Бекст»^[11].

— Три доллара.

— Ну, и что это значит?

— Это значит, доллар пятьдесят за твой билет и доллар пятьдесят — за мой.

— Ну, и что это значит: да или нет?

— Ничего. Это значит просто три доллара.

Медовый месяц мы провели на яхте. Мы — это Дженни, я и двадцать один ребенок. С семи часов утра я управлял тридцатишестифутовой яхтой «Роудс», терпеливо ожидая, пока моим пассажирам надоест кататься. Дженни присматривала за детьми. Яхт-клуб «Пиквод» располагался в местечке Деннис Порт, недалеко от Хайэнниса. Это заведение включало в себя большой отель, пирс и несколько дюжин домов, сдававшихся внаем. К стене одного из самых крошечных бунгало я мысленно прибил табличку: «Здесь спали Дженни и Оливер — когда не занимались любовью». Надо нам обоим отдать должное: после долгого дня, заполненного обхаживанием клиентов (наш доход зависел от чаевых), Дженни и я, тем не менее, были обходительны друг с другом. Я говорю просто «обходительны», ибо мой словарь слишком беден для описания того, что значит любить

и быть любимым Дженнифер Кавиллери. Простите, я хотел сказать Дженнифер Бэрретт.

Перед отъездом в Деннис Порт мы подыскивали дешевую квартиру в Северном Кембридже. Я говорю, в Северном Кембридже, хотя фактически это уже был Соммервилл, а дом, как выразилась Дженни, «пребывал в антиремонтном состоянии». Первоначально этот дом был рассчитан на две семьи, а теперь в нем имели место четыре квартиры, каждая из которых стоила довольно дорого, именуясь при этом «дешевым жильем». Но куда же, черт побери, деваться студентам? Рынок принадлежит торговцам...

— Перенеси меня через порог, — приказала Дженни.

— Ты что, веришь в эту чепуху?

— Перенеси — а потом я решу.

(Этот диалог происходил в сентябре, после нашего возвращения.)

О'кэй. Я подхватил ее и поволок вверх по ступенькам (их было пять) на крыльцо дома.

— Почему ты остановился? — спросила она.

— А разве это не порог?

— Ответ отрицательный, ответ отрицательный, — проговорила она.

— А почему же у звонка наша фамилия?

— Официально это еще не наш порог. Вперед, индюк!

До нашего «официального» местожительства оставалось еще двадцать четыре ступеньки, и на полпути я остановился, чтобы перевести дух.

— Почему ты такая тяжелая? — спросил я.

— А тебе не приходило в голову, что я беременна? — поинтересовалась она.

От этого вопроса у меня перехватило дух.

— Это правда? — наконец вымолвил я.

— Что, испугался?

— Не-ет...

— Не свисти своим ребятам, Преппи.

— Да, ты права. У меня внутри все сжалось. И я понес ее дальше.

Это был один из тех немногих драгоценных моментов, когда мы не думали о том, где бы «перехватить».

Благодаря моему славному семейному имени нам открыли кредит в одном продуктовом магазинчике, хотя другим студентам в долг продавать отказывались. И в то же время оно повредило нам в том месте, где я ожидал этого меньше всего, — в школе Шейди Лейн, куда Дженни должна была пойти работать учительницей.

— Разумеется, то скромное вознаграждение, которое предлагает учителям Шейди Лейн, невозможно сравнить с жалованьем в других школах, — сообщила моей жене мисс Энн Миллер Уитман, директор школы. И добавила, что «Бэрреттов, очевидно, данный аспект не волнует».

Дженни попыталась развеять эту иллюзию, но все, что она смогла получить вдобавок к положенным ей тридцати пяти сотням, это двухминутное «хо-хо-хо». Мисс Уитман предположила, что Дженни просто шутит, повествуя о том, будто Бэрреттам приходится платить за квартиру, как обыкновенным смертным.

Когда Дженни передала мне весь этот разговор, я высказал несколько своих предположений, куда можно было послать мисс Уитман вместе с ее «хо-хо-хо» и тридцатью пятью сотнями в придачу. Тогда Дженни спросила, не хочу ли я вылететь из Школы Права и взять ее на содержание до тех пор, пока она будет учиться на курсах, готовящих преподавателей публичных школ. В течение двух секунд я напряженно обдумывал ситуацию и, наконец, пришел к краткому и корректному заключению:

— Bullshit.

— Очень убедительно, — заметила моя жена.

— А ты думала, я скажу: «хо-хо-хо»?

— Нет. Просто привыкай есть спагетти.

Я привык. Научился любить спагетти, а Дженни научилась готовить из макарон все что угодно. С нашими летними приработками, ее жалованьем и моими предполагаемыми доходами от запланированной ночной работы на почте во время Рождества мы жили весьма сносно. Конечно, было много фильмов, которые мы так и не посмотрели (и концертов, на которые она так и не ходила), но концы с концами мы все-таки сводили.

Но на этом все и кончалось. Я хочу сказать, что наш образ жизни круто изменился. Мы оставались в Кембридже, и теоретически Дженни могла по-прежнему играть во всех своих оркестрах. Но не

хватало времени. Из Шейди Лейн она приходила совершенно измученная. А еще надо было приготовить обед (ели мы только дома: питание в другом месте выходило за рамки наших максимальных возможностей). Между тем мои друзья оказались достаточно предупредительными и оставили нас в покое. То есть они не звали в гости нас, а мы не звали в гости их — надеюсь, вы меня поняли.

Мы даже забросили футбольные матчи.

Как член Варсити Клуба я имел право бронировать роскошные клубные места в престижный пятидесятизардовый ряд. Но это стоило шесть долларов, а на двоих — двенадцать.

— Нет, — спорила Дженни. — Это стоит только шесть долларов. Ты можешь сходить без меня. Ведь я ничего не знаю о футболе, кроме того, что люди там орут: «А ну, дай ему еще!» Но именно поэтому ты его обожаешь, и именно поэтому я хочу, чтобы ты пошел туда, черт подери!

— Слушание дела закончено, — обычно отвечал я, будучи все-таки мужем и главой семьи. — И потом я могу использовать это время, чтобы позаниматься...

Тем не менее, все субботние вечера я проводил, прижав к уху транзистор и наслаждаясь ревом болельщиков, находившихся всего в миле от меня — и в то же время совершенно в другом мире.

Я воспользовался своими привилегиями члена Варсити Клуба, чтобы достать билеты на матч с участием йельской команды для Робби Уолда, моего приятеля из Школы Права. Когда Робби с благодарным шумом наконец покинул нашу квартиру, Дженни попросила еще раз объяснить ей, кто имеет право сидеть на роскошных местах, принадлежащих Клубу. Я повторил, что места эти предназначены исключительно для тех, кто доблестно защищал честь Гарварда на полях спортивных сражений независимо от их возраста, веса и социального положения.

— И на водах тоже? — уточнила она.

— Спортсмен — всегда спортсмен, — ответил я, — сухой он или мокрый.

— За исключением тебя, Оливер, — сказала она. — Ты у меня ледяной.

Я постарался закрыть тему, допустив, что Дженни, как обычно, просто щелкнула меня по носу, и, не допуская, что в ее вопросе

содержится нечто большее, чем элементарный интерес к спортивным традициям Гарвардского университета. Ну, например, легкий намек на то, что, хотя стадион и вмещает сорок пять тысяч человек, тем не менее, все бывшие гарвардские спортсмены сидят в одном престижном ряду. Все. Старые и молодые. Мокрые, сухие и даже ледяные. И неужели только из-за этих несчастных шести долларов я не ходил по субботам на стадион?

Нет, если у нее на уме и было еще что-нибудь, я бы предпочел об этом не говорить.

Глава 13

Мистер и миссис Оливер Бэрретт III
имеют честь пригласить вас на обед по случаю
шестидесятилетия мистера Бэрретта. Обед
состоится в субботу шестого марта и семь часов в
Дувр Хаус, Ипсвич, Массачусетс.

R. S. V. P.^[12]

— Ну? — спросила Дженнифер.

— Ты еще спрашиваешь? — сказал я, конспектируя дело «Штат против Персиваля», ставшее чрезвычайно важным прецедентом в уголовном законодательстве.

Дженни помахала приглашением, чтобы привлечь мое внимание.

— Я думаю, что уже пора, Оливер, — сказала она.

— Пора сделать что?

— Ты прекрасно знаешь, что, — ответила она. — Неужели ему надо ползти сюда на четвереньках? Я продолжал писать, пока она меня обрабатывала.

— Олли, он же пытается помириться с тобой!

— Ерунда, Дженни. Конверт надписан рукой моей матери.

— А мне показалось, ты сказал, что и не взглянул на него! — чуть ли не закричала Дженни. — Олли, ну подумай, — продолжала она умоляюще. — Ему же исполняется шестьдесят лет, черт побери! Откуда ты знаешь, дотянет ли он до того времени, когда *ты*, наконец, соизволишь помириться с ним?

Я проинформировал Дженни в примитивнейших выражениях, что примирение никогда не произойдет, и попросил ее любезно разрешить мне продолжать мои занятия. Она молча уселась на краешке подушечки у моих ног. Хотя Дженни не издавала ни звука, я вскоре почувствовал, что она пристально разглядывает меня. Я посмотрел на нее.

— Когда-нибудь, — сказала она, — когда тебя будет «доставать» Оливер V...

— Его никогда не будут звать Оливер, уж в этом-то будь уверена! — рявкнул я.

Она не стала кричать на меня, как делала это обычно, когда я повышал голос.

— Послушай, Ол, даже если мы назовем его «Клоун Бозо», этот ребенок все равно будет отвергать тебя, хотя бы только потому, что ты известный гарвардский спортсмен. А к тому времени, как он станет первокурсником, ты, возможно, уже будешь заседать в Верховном Суде!

Я сказал ей, что наш сын наверняка не будет отвергать меня. Она поинтересовалась, почему я так уверен в этом. Я не смог представить никаких доказательств. То есть я просто знал, что наш сын не будет отвергать меня, но я не мог точно *сформулировать* почему. И тогда Дженни вдруг сказала ни с того ни с сего:

— Оливер, твой отец любит тебя. Он любит тебя точно так же, как ты будешь любить Бозо. Но у вас, Бэрреттов, так чертовски развито чувство собственного достоинства и соперничества, что всю свою жизнь вы можете думать, что ненавидите друг друга.

— Если бы не ты, — пошутил я.

— Да, — согласилась она.

— Обсуждение дела прекращено, — сказал я, будучи как-никак мужем и главой семьи.

Я снова уставился в дело «Штат против Персиваля», и Дженни встала. Но тут она вспомнила еще кое-что.

— Но еще надо решить вопрос с «R. S. V. P.». Я заметил, что выпускница Рэдклиффа по классу музыки, вероятно, могла бы сама придумать краткий, но любезный негативный ответ безо всякой профессиональной помощи.

— Послушай, Оливер, — сказала она, — вероятно, я в своей жизни и лгала, и хитрила. Но я никогда никому нарочно не причиняла боли. И не думаю, что смогла бы это сделать.

— Неужели ты не можешь просто написать записку?

— Я сейчас потеряю терпение. Скажи мне номер их телефона.

Я сказал и в ту же секунду погрузился в чтение апелляции Персиваля в Верховный Суд. Я не прислушивался к тому, что говорила Дженни. То есть я старался не прислушиваться — она ведь находилась в этой же комнате.

— О, добрый вечер, сэр, — услышал я. Неужели Сукин Сын сам подошел к телефону?.. Она зажала рукой трубку. — Олли, все-таки

надо ответить отрицательно?

Мой утвердительный наклон головы означал, что это необходимо, а взмах руки — что она должна поторопиться, черт побери.

— Мне ужасно жаль, — сказала она в трубку. — То есть я хотела сказать, что *нам* ужасно жаль, сэр...

«Нам!» Зачем ей надо было еще и меня сюда впутывать? И почему она, в конце концов, не может добраться до сути дела и повесить трубку?

— Оливер! — Она снова зажала трубку рукой и заговорила громче: — Ему же очень больно, Оливер... Неужели ты можешь просто так сидеть, когда твой отец истекает кровью?

Если бы она не была сейчас в таком взвинченном состоянии, я мог бы еще раз объяснить ей, что камни не кровоточат, что она не должна проецировать свои ошибочные итало-средиземноморские понятия о родителях на скалистые кручи утеса Рашмор. Но она была очень расстроена. И это расстраивало и меня тоже.

— Оливер, — умоляюще произнесла она, — неужели ты не можешь сказать хоть одно слово? *Ему*? Она, наверное, сошла с ума!

— Ну, может быть, что-нибудь вроде «здравствуй»? Она протягивала мне трубку. И пыталась не заплакать.

— Я никогда не буду разговаривать с ним. Ни-ког-да, — сказал я совершенно спокойно.

Теперь она плакала. Беззвучно, но слезы текли у нее по лицу. И потом — потом она стала умолять.

— Ради меня, Оливер. Я никогда ни о чем тебя не просила. *Пожалуйста*.

Три человека. Все мы трое просто стояли (мне почему-то показалось, что мой отец тоже находится здесь) и ждали чего-то. Чего? Чтобы я что-то сделал?

Этого я сделать не мог.

Разве Дженни не понимает, что она просит о невозможном? Что я сделал бы все, абсолютно все, но только не это? Я уставился в пол, качая головой из стороны в сторону с выражением непреклонного отказа и чрезвычайной неловкости, а Дженни яростно прошептала — такого тона я у нее еще не слышал:

— Ты бессердечный ублюдок. — А потом закончила разговор с моим отцом, сказав: — Мистер Бэрретт, Оливер хочет, чтобы вы знали,

что по-своему...

Она остановилась, чтобы сделать глубокий вдох. Я был настолько ошарашен, что мог только дожидаться конца моего мнимого устного послания.

— ...Оливер очень вас любит, — закончила она и быстро нажала на рычажок.

Нет никакого разумного объяснения тому, что я сделал в следующую секунду. Прошу признать меня временно невменяемым. Поправка: я ничего не прошу. Меня никогда нельзя простить за то, что я сделал.

Я выхватил из ее руки телефонную трубку, затем выдрал телефон из розетки и швырнул его через всю комнату.

— Черт бы тебя подрал, Дженни! Убирайся из моей жизни ко всем чертям!

Я застыл, дыша, как зверь, в которого неожиданно превратился. Господи Иисусе! Что же, черт возьми, со мной случилось? Я повернулся, чтобы взглянуть на Дженни.

Но ее не было...

Я искал ее повсюду.

В библиотеке Школы Права я рыскал по рядам зубривших студентов... Потом Харкнесс Коммонз, холл, кафетерий. Потом сумасшедшая беготня по Агассиз Холлу в Рэдклиффе. Там ее тоже не было. Теперь я носился повсюду, и мои ноги старались бежать с такой же скоростью, что и мое сердце.

Пейн Холл^[13]? (Черт побери, какая ирония в этом названии!) Внизу находятся комнаты для фортепианных занятий. Я знаю Дженни. Когда она злится, она должна изо всей силы стучать по этой чертовой клавиатуре. Правильно, но что она будет делать, если до смерти перепугана?

Инстинкт заставил меня остановиться у двери, за которой я услышал сильные (рассерженные?) звуки прелюдии Шопена. На мгновение я застыл. Играли с ошибками, весьма паршиво — остановились и снова начали. В одной из пауз я услышал женский голос, произнесший: «Дерьмо!» Это наверняка Дженни. Я распахнул дверь.

За роялем сидела какая-то клиффи. Она взглянула на меня. Некрасивая широкоплечая хипповая студентка, раздраженная моим

вторжением.

— Что скажешь, парень? — спросила она.

— Плохо, очень плохо, — сказал я и снова закрыл дверь.

Затем я побежал на Гарвард Сквер.

Где же Дженни?

Я стоял, ничего не делая, заблудившись во мраке этого островка на Гарвард Сквер, не зная, куда идти и что делать дальше. Какой-то цветной подошел ко мне и спросил, не хочу ли я уколиться или покурить травки. Я задумчиво ответил ему:

— Нет, спасибо, сэр.

Теперь я уже не бежал. И вправду, зачем бежать в пустой дом? Было очень поздно, и во мне все застыло скорее от ужаса, чем от холода (хотя было не жарко, можете мне поверить). Когда я был в нескольких ярдах от дома, мне показалось, что на верхней ступеньке лестницы кто-то сидит. Наверное, это галлюцинации, подумал я, ведь фигура не двигается.

Но это была Дженни.

Это она сидела на верхней ступеньке.

Я слишком устал, чтобы паниковать, и чувствовал слишком большое облегчение, чтобы радоваться...

— Джен?

— Олли?

Мы оба говорили так тихо и спокойно, что было невозможно понять, какие чувства скрываются за нашими словами.

— Я забыла ключ, — сказала Дженни. Я стоял у подножия лестницы, боясь спросить, сколько времени она уже здесь сидит. Я только знал, что я поступил с ней ужасно.

— Дженни, прости меня...

— Замолчи. — Она прервала мои извинения, а потом произнесла очень тихо: — Любовь — это когда не нужно говорить «прости».

Я помчался вверх по ступенькам — туда, где она сидела.

— Я хочу лечь спать. О'кэй? — сказала она.

— О'кэй.

Мы пошли к себе в квартиру. Когда мы раздевались, она подняла глаза и сказала, успокаивая меня:

— Я говорила правду, Оливер.

Глава 14

Письмо пришло в июле. Оно было отправлено из Кембриджа в Деннис Порт, и поэтому я узнал обо всем с опозданием приблизительно на один день. Я бросился туда, где Дженни присматривала за детьми, игравшими в футбол (или еще во что-то), и сказал в своей обычной манере, подражая Богарту^[14]:

— А ну пошли.

— Что?

— А ну пошли, — повторил я приказным тоном и направился к воде. Дженни последовала за мной.

— Что происходит, Оливер? Объясни, пожалуйста. Ну, ради Бога!

— В лодку, Дженнифер! — повелел я, простирая вперед руку. В кулаке было зажато письмо, но Дженни его не заметила.

— Оливер, я же не могу оставить детей без присмотра, — протестовала Дженни, послушно ступая на борт. — Черт возьми, Оливер, да объясни, в конце концов, в чем дело!

Мы были уже в нескольких сотнях ярдов от берега.

— Мне надо тебе кое-что сказать, — сообщил я.

— А что, ты не мог сказать мне об этом на берегу? — завопила она.

— Нет, черт побери! — проорал я в ответ. Никто из нас не сердился, но было ветрено, и приходилось кричать, чтобы расслышать друг друга. — Я хотел остаться с тобой наедине. Посмотри, что у меня есть. — Я взмахнул конвертом, и она тут же узнала фирменный знак.

— О, Гарвардская Школа Права! Тебе что, дали пинка под зад?

— Думай еще, жизнерадостная сучка! — рявкнул я.

— Тебя признали первым среди выпускников! — осенило ее.

Мне стало неловко.

— Почти. Третьим.

— О-о, — протянула она. — Всего лишь третьим?

— Послушай, но это значит, что моя фамилия все равно попадает в этот недоделанный «Юридический Вестник»! — прокричал я.

Она сидела с абсолютно ничего не выражающим лицом.

— Господи Иисусе, Дженни, — захныкал я, — ну скажи хоть что-нибудь!

— Не раньше, чем я узнаю, кто стал первым и вторым, — процедила она.

Я надеялся обнаружить на ее лице хоть тень улыбки, которую пока еще ей удавалось сдерживать.

— Ну, Дженни... — молил я.

— Мне пора. До свидания, — сказала она и тут же прыгнула в воду.

Я нырнул за ней, и в следующий миг мы оба хихикали, уцепившись за борт лодки.

— Эй! — Мне захотелось поделиться с ней одним остроумным наблюдением. — Из-за меня ты бросилась за борт.

— Не выпендривайся, — ответила она. — Третий — это всего лишь третий.

— Знаешь что, стерва?

— Что, недоносок?

— Я чертовски многим обязан тебе, — серьезно закончил я.

— А вот и неправда, ублюдок, неправда, — отозвалась она.

— Неправда? — переспросил я, несколько озадаченный.

— Ты обязан мне всем, — сказала она.

В ту ночь мы просадили двадцать три доллара, объевшись омарами в одном модном ресторане в Ярмуте. Однако Дженни отложила вынесение окончательного приговора до тех пор, пока не выяснится, кто те два джентльмена, которые, как она выразилась, «положили меня на лопатки».

Как это ни глупо звучит, но я был настолько в нее влюблен, что, едва мы вернулись в Кембридж, я тут же кинулся выяснять, кто они — те два парня, обошедшие меня. Я почувствовал облегчение, когда обнаружил, что первым в списке шел Эрвин Блэсбэнд, выпускник Сити Колледж 1964 года, дохлый очкастый книгоед, совершенно не в ее вкусе, а парнем номер два оказалась Белла Ландау, выпускница Брин Мор 1964 года. Все складывалось к лучшему. Особенно то, что Белла Ландау была довольно-таки фактурна (насколько вообще может быть фактурна правоведка). Теперь я мог немножко подразнить Дженни подробностями того, что творится вечерами в Гэннетт Хаус — здании, где размещался «Юридический Вестник». А ведь и в самом

деле мы нередко засиживались допоздна. Сколько раз я приходил домой в два или три часа ночи! Подумайте только: шесть лекций плюс редактирование в «Юридическом Вестнике», да плюс еще тот факт, что я писал статью для одного из номеров «Вестника» (Оливер Бэрретт IV. «Юридическая помощь беднейшим слоям городского населения: на материале исследования района Роксбери, г. Бостон»; ГЮВ^[15], март, 1966 г., стр. 861-908).

— Хорошая статья. Действительно, хорошая статья, — несколько раз повторил старший редактор Джоэл Флейшман.

По совести говоря, я ожидал более членораздельного комплимента от парня, собирающегося в следующем году стать помощником судьи Дугласа, но это единственное, что он смог выдать из себя, просматривая окончательный вариант моей статьи. Господи, а Дженни уверяла меня, что вещь «острая, умная и действительно хорошо написана». Неужели Флейшман не мог сказать мне что-нибудь в этом роде?

— Флейшман считает, что это хорошая статья, Джен.

— Боже, неужели я прождала тебя почти до утра, чтобы услышать ЭТО? — возмутилась она. — Разве он не стал комментировать твою методику, стиль — или еще что-нибудь?

— Нет, Джен. Он просто назвал статью хорошей.

— В таком случае, почему тебя так долго не было? Я подмигнул ей.

— Никак не мог закончить одно дельце с Беллой Ландау.

— Да ну?

Тона я не уловил.

— Ты что, ревнуешь? — спросил я с надеждой.

— Нет, ноги у меня гораздо лучше, — ответила она.

— А ты умеешь составлять искивые заявления?

— А она умеет готовить спагетти?

— Да. Между прочим, именно спагетти она и принесла сегодня вечером в Гэннетт Хаус. Все сказали, что ее спагетти так же хороши, как твои ноги.

Дженни кивнула:

— Еще бы!

— Ну, и что ты на это скажешь? — поинтересовался я.

— Скажу: «А кто платит за квартиру — Белла Ландау?»

— Вот черт! — воскликнул я. — Ну почему я никогда не могу остановиться именно в тот момент, когда я впереди?

— Потому что ты никогда не бываешь впереди, Преппи, — ответила моя любящая жена.

Глава 15

Так мы закончили Школу Права.

Эрвин, Белла и я были названы лучшими выпускниками Школы. Пришло время нашего триумфа. Тесты, серьезные деловые предложения. Встречные иски. Надувание щек. Куча работы. Повсюду мне мерещились призывные надписи: «Поработай у нас, Бэрретт!»

Но я твердо следовал вдоль линии, отмеченной «зелененькими». Не такой уж я болван, чтобы согласиться на престижное место клерка при каком-нибудь судье или пойти в государственное учреждение типа Министерства юстиции. Я искал денежную работу, которая раз и навсегда исключила бы из нашего чертова лексикона эту подлую фразу: «Где бы перехватить?»

...Особо интригующее предложение поступило от одной фирмы из Лос-Анджелеса. Посредник, назовем его некто Мистер Х (так спокойнее!), твердил мне:

— Слушай, Бэрретт, мой мальчик, с ЭТИМ у нас все в порядке. В любое время суток. Если захочешь, доставят прямо в контору.

И не то чтобы нас очень тянуло в Калифорнию, но хотелось все-таки знать, что Мистер Х подразумевает под «ЭТИМ». У меня с Дженни появилась целая масса совершенно безумных догадок на этот счет, но, видимо, для Лос-Анджелеса они были недостаточно безумны. (В конце концов, я отделался от Мистера Х, сказав ему, что «ЭТО» меня абсолютно не волнует. Он был ошеломлен.)

На самом деле мы уже приняли решение остаться на Восточном побережье: у нас было предостаточно заманчивых предложений из Бостона, Нью-Йорка и Вашингтона. Одно время Дженни думала, что нам подойдет округ Колумбия («Ты можешь попасть в Белый дом, Ол»), но меня больше тянуло в Нью-Йорк. И посему, с благословения моей жены, я наконец сказал «да» конторе Джонса и Марша — престижной фирме (Марш некогда был генеральным прокурором), специализирующейся на защите гражданских свобод («Надо же, ты сможешь делать добро и карьеру одновременно», — сказала Дженни). К тому же они прилично попыхтели, чтобы уболтать меня: старик Джонас прикатил в Бостон, потащил нас обедать в Пьер Фор, а потом прислал Дженни цветы.

Целую неделю Дженни ходила, распевая куплет, начинавшийся словами «Джонас, Марш и Бэрретт». Я посоветовал ей не опережать события, а она посоветовала мне не выпендриваться, потому что, по ее мнению, у меня в голове крутился тот же самый мотив. Должен признаться, что она была права.

Впрочем, позвольте довести до вашего сведения, что Джонас и Марш положили Оливеру Бэрретту IV 11 800 долларов в год — никто из наших выпускников не получил такого головокружительного жалованья.

Как видите, третьим я оказался только с точки зрения успеваемости.

Глава 16

ИЗМЕНЕНИЕ АДРЕСА:

С 1-го июля 1967 года

мистер и миссис Оливер Бэрретт IV

проживают по адресу:

263, 63-я Ист Стрит, Нью-Йорк, штат Нью-Йорк 10021.

— Это звучит так, будто мы с тобой нувориши, — огорчилась Дженни.

— Но мы ведь и есть нувориши, — настаивал я. И еще один факт усиливал мою эйфорию: сумма, которую мы ежемесячно выкладывали за мою новую машину, была — черт подери — почти равна той, что мы платили за всю нашу квартиру в Кембридже! От нас до конторы Джонаса и Марша идти было минут десять, или точнее шествовать, ибо я предпочитал именно эту разновидность передвижения. На таком же расстоянии от нашего дома находились шикарные магазины вроде Бонвита, и я потребовал, чтобы моя жена, паршивка этакая, немедленно открыла счет и начала тратить деньги.

— Ну для чего, Оливер?

— Для того, черт возьми, Дженни, что я хочу, чтобы ты меня использовала!

В Нью-Йорке я вступил в Гарвардский Клуб по рекомендации — Рэймонда Стрэттона, выпускника 1964 года, только что вернувшегося к гражданской жизни после того, как он вроде бы подстрелил вьетнамца. («Вообще-то не уверен, что это был вьет. Я просто услышал шум и пальнул по кустам».) Мы с Рэем играли в сквош, по крайней мере, три раза в неделю, и я дал себе слово через три года стать чемпионом Клуба. Мы перебрались в Нью-Йорк летом (перед этим мне пришлось зубрить, как проклятому, чтобы сдать экзамены для вступления в адвокатуру Нью-Йорка). Нас начали приглашать на уик-энды.

— Пошли их на хрен, Оливер. Я не хочу тратить целых два дня в неделю, чтобы канителиться с этими занудными полудурками.

— О'кэй, Джен, но что я должен им сказать?

— Ну скажи, например, что я беременна.

— Правда? — спросил я.

— Нет, но если на уик-энд мы останемся дома, это, может быть, станет правдой.

Мы даже выбрали имя. То есть выбрал я, и Дженни, в конце концов, со мной согласилась.

— Эй, а ты не будешь смеяться? — спросил ее я, впервые коснувшись этой темы.

В этот момент она возилась на нашей кухне, выдержанной в изысканных желтых тонах и оснащенной даже посудомоечной машиной.

— Над чем? — поинтересовалась она, не прекращая резать помидоры.

— Я пришел к выводу, что мне нравится имя Бозо, — ответил я.

— Ты что, серьезно? — спросила она.

— Серьезно. Классное имя.

— Ты хочешь назвать нашего ребенка Бозо? — переспросила она.

— Да. Хочу. Честное слово, Дженни. Знаешь, это отличное имя для будущего чемпиона.

— Бозо Бэрретт. — Она как бы попробовала это имя на вкус.

— Господи Боже мой, он будет невероятным громилой, — продолжал я, с каждым словом все больше убеждая в этом самого себя. — Бозо Бэрретт. Непрошибаемый полузащитник непобедимой Гарвардской сборной.

— Да... Но, Оливер, предположим — ну, просто предположим, — что у ребенка будет неважно с координацией движений?

— Это невозможно, Джен, у нас слишком хорошие гены. Правда.

Я действительно не шутил. И даже важно шествуя на работу, я продолжал грезить о нашем будущем Бозо.

За обедом я снова вернулся к этой теме. Кстати, мы купили великолепный сервиз из датского фарфора.

— Бозо вырастет громилой с прекрасной координацией, — сообщил я Дженни. — А если у него будут твои руки, мы сделаем из него не полузащитника, а защитника.

На лице Дженни появилась усмешка, извещавшая о том, что она подыскивает какое-нибудь ехидное словечко, чтобы разрушить мою идиллию. Но, видимо, не придумав никакого по-настоящему

убийственного аргумента, она просто разрежала пирог и положила мне кусочек. И стала слушать дальше.

— Ты только подумай, Дженни, — продолжал я даже с набитым ртом. — Двести сорок фунтов виртуозного мордоротства.

— Двести сорок фунтов? — сказала она. — В наших генах не обнаружено ничего такого, что говорило бы о двухстах сорока фунтах, Оливер.

— А мы его будем откармливать, Джен. «Хай-Протин», «Нутрамент» — запихнем в него все витамины, которые только известны науке.

— Ну да? А если он не захочет их есть, Оливер?

— Он будет их есть, черт его побери! — Я уже начал слегка заводиться, и во мне поднималось раздражение на этого парня, который скоро усядется за наш стол и не захочет поработать на мою мечту и стать триумфом мускулатуры. — Он будет есть, иначе я набью ему морду.

Тут Дженни посмотрела мне прямо в глаза и улыбнулась.

— Не набьешь, если в нем будет двести сорок фунтов, ни за что не набьешь.

— М-да. — Это на мгновение слегка охладило мой пыл, но я быстро нашелся. — Постой, он же не сразу наберет двести сорок фунтов!

— Разумеется, — согласилась Дженни и погрозила мне ложкой, — но когда он наберет их — тогда беги без оглядки, Преппи! — И она засмеялась, как сумасшедшая.

Это было действительно забавно, и в моем мозгу возникла такая картина: этаким младенцем, двести сорок фунтов весом, путаясь в пеленках, гонится за мной по Центральному Парку и орет:

— Не груби моей мамочке, Преппи!

Господи, одна надежда на Дженни — она не позволит Бозо размазать меня по стенке!

Глава 17

Сделать ребенка, оказывается, не так-то просто.

Вот ирония судьбы: в первые годы своей сексуальной жизни парни озабочены исключительно тем, как бы их подружки не залетели (в свое время я тоже поваландался с презервативами), а потом все наоборот — на них находит какое-то маниакальное желание зачать потомство.

Да, это желание может стать навязчивой идеей, и тогда самый замечательный аспект вашей счастливой семейной жизни лишается главного — внезапной естественности. То есть, я хочу сказать, что программирование (на ум сразу приходит какая-то машина) — так вот, мысленное программирование будущего акта любви в соответствии с правилами, календарями, определенной стратегией («Наверное, лучше завтра утром, Ол?») может стать источником дискомфорта, отвращения и ужаса, в конце концов...

...Когда видишь, что твоя любительская квалификация и здоровые (будем надеяться!) усилия не решают проблем «плодитесь и размножайтесь», то в голову лезут самые чудовищные мысли.

— Я надеюсь, Оливер, вы понимаете, что «бесплодие» и «бессилие» — вещи совершенно разные, — так успокоил меня доктор Мортимор Шеппард во время нашего первого разговора, когда мы с Дженни, наконец, решили показаться специалисту.

— Он понимает это, доктор, — ответила за меня Дженни, прекрасно зная (хотя я даже никогда не упоминал об этой проблеме), что мысль о моем бесплодии — вероятном бесплодии — может меня доконать. И в голосе ее даже послышалась надежда на то, что если и обнаружится какое-то отклонение, то, вероятно, у нее самой.

Но доктор, просветив нас на предмет самого худшего, затем сообщил, что скорей всего мы в порядке и что, очевидно, в ближайшее время станем счастливыми родителями. Но, разумеется, нам придется пройти кучу обследований. Сдать все анализы. И так далее — просто не хочется перечислять все неприятные подробности такого рода обследований.

Нас обследовали в понедельник. Дженни — днем, а меня — после работы (дел в конторе было невпроворот). Доктор Шеппард пригласил

Дженни еще раз в пятницу на той же неделе, объяснив, что его медсестра, кажется, что-то перепутала, и он должен перепроверить кое-что. Когда Дженни рассказала мне об этом повторном визите, я заподозрил, что отклонение от нормы нашли у нее. Наверное, она думала о том же. Вся эта история с невнимательной сестрой была слишком примитивна.

Когда доктор Шеппард позвонил мне в контору Джонаса и Марша, я был уже почти уверен в этом.

— Пожалуйста, зайдите ко мне по дороге домой. Услышав, что говорить мы будем вдвоем, без Дженни («Я уже сегодня беседовал с миссис Бэрретт»), я укрепился в своих подозрениях. У Дженни не будет детей. Впрочем, не делай преждевременных выводов, Оливер, не забывай, что Шеппард рассказывал о разных методах лечения, например, о хирургической коррекции. Но сосредоточиться я не мог, и ждать до пяти часов казалось глупостью. Поэтому я позвонил Шеппарду и попросил принять меня пораньше. Он ответил о'кэй.

— Ну и чья это вина? — спросил я напрямик.

— Я бы не сказал, что это «вина», Оливер, — ответил он.

— Ну хорошо, тогда у кого из нас, в таком случае, *нарушены функции?*

— У Дженни.

Я был более или менее готов к такому ответу, но категоричность тона доктора поразила меня. Он больше ничего не стал говорить, и я решил, что он хочет послушать меня.

— Ладно, тогда мы кого-нибудь усыновим. Ведь главное — что мы любим друг друга, верно? И тогда он сказал мне:

— Оливер, все гораздо серьезнее. Дженни тяжело больна.

— Объясните мне, пожалуйста, что значит «тяжело» больна?

— Она умирает.

— Но это невозможно, — сказал я. Я ждал — вот сейчас доктор признается, что все это просто-напросто шутка.

— Она умирает, Оливер, — повторил он. — Мне жаль, но я вынужден сказать об этом.

Я начал убеждать его, что это какая-то ошибка, возможно, идиотка медсестра снова что-нибудь перепутала и дала ему не тот рентгеновский снимок. Он отвечал мне со всем сочувствием, на какое только был способен, что трижды посылал кровь Дженни на анализ.

Так что диагноз абсолютно точный. Впрочем, он может направить нас — меня и Дженни — на консультацию к гематологу. Порекомендовать...

Я поднял руку, и он остановился. Мне хотелось посидеть молча минуту. Просто помолчать и окончательно осознать, что случилось. И вдруг я подумал вот о чем.

— А что вы сказали Дженни, доктор?

— Что у вас обоих все в порядке.

— И она поверила?

— Думаю, да.

— Но ведь ей придется об этом сказать? Когда?

— Это зависит только от вас.

Только от меня... Боже, в тот миг мне не хотелось жить!

Врач объяснил мне, что терапевтическое лечение при той форме лейкемии, которая обнаружена у Дженни, — всего лишь временное облегчение страданий. Да, можно уменьшить боль, замедлить развитие недуга, но повернуть болезнь вспять нельзя. Так что решать мне. Впрочем, он не настаивает на немедленном лечении.

Но в эту минуту я думал лишь о том, что все случившееся с нами чудовищно и безысходно.

— Но ведь ей только двадцать четыре года! — закричал я доктору.

Доктор терпеливо кивнул. Разумеется, он знал возраст Дженни, но знал он и о том, какая это мука для меня. В конце концов, я сообразил, что нельзя же сидеть в кабинете доктора вечно. И спросил, что же делать. То есть, что мне нужно делать. Он посоветовал вести себя как можно естественнее и тянуть это как можно дольше. Я поблагодарил и вышел.

Как можно естественнее! Как можно естественнее!

Глава 18

Я начал думать о Боге.

Мысль о том, что где-то обитает некое Высшее Существо, прочно поселилась в моей голове. Но мне вовсе не хотелось отхлестать Его по щекам или врезать Ему как следует за то, что Он собирается сделать со мной — с Дженни то есть. Нет, моя религиозность выглядела совсем по-другому. Ну, например, когда я просыпался утром рядом с Дженни. Все еще рядом. Неловко признаться, но тогда я надеялся, что существует Господь Бог, которому я мог сказать за это спасибо. Спасибо Тебе за то, что Ты позволяешь мне просыпаться и видеть рядом Дженнифер.

Я дьявольски старался и вел себя как можно естественнее, даже разрешал ей готовить завтрак, ну и так далее.

— У тебя сегодня встреча со Стрэттоном? — спросила она, когда я допивал вторую чашку кофе.

— С кем? — переспросил я.

— Ну, с Рэймондом Стрэттоном, — пояснила она. — Твой лучший друг выпуска 1964 года. Он был твоим соседом по комнате — до меня.

— Ах, да. Мы собирались поиграть в сквош. Ну, я отменю.

— Нет, ты будешь играть в сквош, Преппи. На черта мне нужен обвислый муж!

— О'кэй, — согласился я, — но тогда давай пообедаем где-нибудь в центре.

— Что-о? — спросила она.

— Что значит «что»? — завопил я, пытаюсь изобразить свой обычный притворный гнев. — Что же это — я не могу повести свою чертову жену обедать, если мне этого хочется?

— Кто она, Бэрретт? И как ее зовут?

— Не понял?

— Сейчас поймешь, — объяснила она. — Если посреди недели ты тащишь свою жену куда-нибудь обедать, значит, ты точно с кем-нибудь трахаешься!

— Дженнифер! — взревел я, теперь уже по-настоящему обиженный. — Как ты смеешь говорить такое во время моего завтрака!

— Хорошо, но тогда твоя задница будет сидеть на этом стуле во время моего обеда. О'кэй?

— О'кэй.

И я сказал этому Высшему Существо: кто бы Ты ни был и где бы Ты ни был, знай — я с радостью понесу свой крест. Мне наплевать на мои муки. Главное, чтобы Дженни ни о чем не догадывалась. Договорились, Сэр? Назови любую цену. Господи...

— Оливер!

— Да, мистер Джонас?

Он пригласил меня в свой кабинет.

— Вы знакомы с делом Бека? — спросил он. Разумеется, я был знаком. Роберта Л. Бека, фоторепортера журнала «Лайф», до полусмерти отметили чикагские полицейские, когда он пытался сфотографировать какую-то уличную заварушку. Джонас считал это дело очень важным.

— Кажется, фараоны надавали ему по шее, сэр, — беспечно ответил я Джонасу (ха-ха!).

— Я хочу, чтобы вы вели это дело, Оливер, — произнес Джонас. — Можете взять в помощники кого-нибудь из молодых.

Кого-нибудь из молодых? Парня моложе меня в конторе не было. Но я понял, что имел в виду шеф: «Оливер, несмотря на ваш год рождения, вы один из старших в нашей фирме. Вы один из нас, Оливер».

— Спасибо, сэр, — сказал я.

— Когда вы сможете отправиться в Чикаго? — спросил он.

Я уже говорил, что сам решил тащить свой крест. Поэтому я понес чудовищную околесицу. Даже точно не помню, как именно я объяснил старине Джонасу свое нежелание уезжать из Нью-Йорка. И очень надеялся, что он меня поймет. Но теперь я знаю, что он был разочарован и огорчен тем, как я отреагировал на его многозначительное предложение. О Боже, мистер Джонас, если бы вы только знали настоящую причину!

Парадокс: Оливер Бэрретт IV старается уйти из конторы пораньше, но домой не торопится. Как вы это можете объяснить?

У меня уже вошло, в привычку разглядывать витрины на Пятой Авеню — все эти восхитительные и нелепо-экстравагантные вещи. Я

бы обязательно закупил их для Дженнифер, но ведь я должен вести себя как можно естественнее...

Да, я боялся возвращаться домой. Потому что теперь, через несколько недель после того, как я узнал правду, она начала худеть. Конечно, совсем понемногу. И даже не замечала этого. Но я-то, который знал все, заметил.

Меня притягивали рекламные щиты авиакомпаний: Бразилия, острова Карибского моря, Гавайи («Бросьте все — и улетайте к солнцу!») и так далее. В тот день они навязывали Европу в мертвый сезон: Лондон — любителям походить по магазинам, Париж — влюбленным...

— А как же моя стипендия? А Париж, который я так ни разу и не видела за всю мою чертову жизнь?

— А как же наша свадьба?

— А разве кто-нибудь когда-нибудь говорил о свадьбе?

— Я. Я сейчас об этом говорю.

— Ты хочешь жениться на мне?

— Да.

— Почему?

Я пользовался таким фантастически безотказным доверием, что у меня уже была кредитная карточка «Дайназ Клуб». Вж-жик! И вот моя подпись поставлена поверх пунктирной линии — я стал горделивым обладателем двух билетов (первый класс, никак не меньше!) в Город Влюбленных.

Лицо Дженни было серовато-бледным, но я-то, входя домой, надеялся, что моя фантастичная идея вернет хоть немного румянца ее щекам.

— А ну-ка, угадайте, что случилось, миссис Бэрретт? — произнес я.

— Тебя уволили, — предположила моя жена с оптимизмом.

— Выпустили на волю, — ответил я, вытащив билеты. — Да здравствует воля! Завтра вечером мы в Париже!

— Что за чушь собачья, Оливер, — проговорила она. Но очень спокойно, без обычной притворной задиристости. Ее слова скорее прозвучали нежно-ласково: «Что за чушь собачья, Оливер».

— Послушай, ты не могла бы определить поконкретнее, что такое «чушь собачья»?

— Слушай, — тихо отозвалась она, — так не пойдет.

— Что не пойдет? — спросил я.

— Я не хочу в Париж. Мне не нужен Париж. Мне нужен ты.

— Ну уж что-что, а этого тебе хватает! — перебил я ее нарочито веселым голосом.

— И еще мне нужно время, — продолжала она, — а это как раз то, что ты мне дать не можешь.

Тогда я заглянул в ее глаза. В них была невообразимая печаль, понять которую мог только я один. Эти глаза говорили, что ей очень жаль. Ей очень жаль меня.

Мы обнялись и замолчали. Конечно, если уж плакать, то вдвоем. Но лучше не плакать.

И тогда Дженни объяснила, что она чувствовала себя «абсолютно хреново» и решила опять пойти к доктору Шеппарду — но не на консультацию, а на конфронтацию.

— Вы скажете мне наконец, черт подери, что со мной?

И он сказал.

Почему-то я ощущал себя виноватым в том, что она узнала обо всем не от меня. Она почувствовала это и произнесла заранее продуманную невнятицу:

— Он йелец, Олли.

— Кто, Джен?

— Аккерман. Гематолог. Он законченный йелец: он закончил там и колледж, и Медицинскую Школу.

— Да ну? — пробормотал я, понимая, что она старается как-то облегчить этот тяжелый разговор.

— Надеюсь, он хоть умеет читать и писать? — поинтересовался я.

— Ну, в этом еще предстоит убедиться, — улыбнулась миссис Оливер Бэрретт, выпускница Рэдклиффа 1964 года, — но я уже выяснила, что разговаривать он умеет. Мне хотелось поговорить.

— О'кэй, ну тогда сойдет и йелец, — сказал я.

— О'кэй, — сказала она.

Глава 19

Теперь я, по крайней мере, не боялся идти домой и не старался «вести себя как можно естественнее». Мы опять могли, как и раньше, говорить друг с другом обо всем — даже если это «все» было ужасом осознания того, что дни, которые нам суждено провести вместе, сочтены все до единого.

Нам надо было кое-что обсудить, хотя обычно двадцатичетырехлетние супруги о таких вещах не разговаривают.

— Я верю, что ты выдержишь, ты же у меня настоящий спортсмен, — говорила она.

— Выдержу, выдержу, — отвечал я, думая, догадывается ли всегда такая проникательная Дженнифер, что ее настоящий спортсмен трусит.

— Ты должен держаться ради Филадельфии, — продолжала она. — Ему будет очень тяжело. Ну, а ты... ты станешь веселым вдовцом...

— Нет, не веселым, — перебил ее я.

— Ты будешь веселым, черт побери. Я хочу, чтобы ты был веселым. О'кэй?

— О'кэй.

Это случилось через месяц, сразу же после обеда. Она не хотела уступить и каждый день возилась на кухне. В конце концов, мне удалось ее убедить, и она все-таки разрешила мне убирать со стола и мыть посуду (хотя поначалу она, горячась, доказывала, что это «не мужская работа»). Итак, я убирал чистые тарелки, а она играла на рояле Шопена. И вдруг остановилась на середине прелюдии. Я бросился в гостиную. Она сидела, просто сидела — и больше ничего.

— С тобой все в порядке, Джен? — спросил я (конечно, понимая, что «все в порядке» быть уже не может).

— У тебя хватит денег на такси? — поинтересовалась она.

— Конечно, — ответил я. — А куда ты хочешь поехать?

— Ну, например, в больницу.

И посреди обрушившегося на меня суматошного смятения я вдруг понял: «Вот оно». Дженни уходит из нашей квартиры, чтобы больше никогда сюда не возвращаться. Пока я собирал для нее вещи, она просто сидела. О чем она думала? О нашей квартире? Хотела вдоволь

насмотреться и все запомнить? Нет. Она просто сидела, ничего не видя перед собой.

— Эй, — сказал я, — может быть, ты хочешь захватить с собой что-нибудь конкретно?

— Нет. — Она отрицательно покачала головой, а потом, после некоторого размышления, прибавила: — Тебя.

Спустившись вниз, мы пытались поймать такси, — что очень нелегко сделать вечером, когда все едут в театр или еще куда-нибудь. Швейцар свистел в свой свисток и размахивал руками, прямо как ополоумевший судья во время хоккейного матча. Дженни стояла, опираясь на меня, и я втайне не хотел никакого такси — лишь бы она вот так стояла и стояла, опираясь на меня. Но «мотор» в конце концов поймали. А таксист (нам всегда везло) оказался весельчаком. Едва он услышал про больницу Маунт Синай, он начал, как водится:

— Не волнуйтесь, ребятки, вы в надежных руках. Мы с аистом давненько занимаемся этим делом.

На заднем сиденье Дженни свернулась клубочком и прижалась ко мне. Я целовал ее волосы.

— Это у вас первенький? — спросил наш жизнерадостный водитель.

Думаю, Дженни почувствовала, как я собираюсь рывкнуть на этого малого, потому что прошептала:

— Не надо, Олли. Он ведь так старается.

— Да, сэр, — ответил я ему. — Это наш первенец, и моя жена неважно себя чувствует. Может быть, попробуем проскочить на красный?

Он доставил нас в Маунт Синай в мгновение ока. Этот парень действительно хорошо к нам отнесся, был очень вежливым, открыл нам дверь и все прочее. Перед тем как уехать, он долго желал нам счастья и удачи. Дженни поблагодарила его.

Мне показалось, что у нее подкашиваются ноги, и я хотел внести ее внутрь на руках, но она отказалась.

— Только не через этот порог, Преппи. Поэтому мы вошли, и я еле вытерпел мучительно-педантичный процесс оформления больничных бумажек.

— У вас есть «Голубой щит» или другие медицинские страховки?

— Нет.

(Кто же думал о таких пустяках? Мы были слишком заняты покупкой фарфора.)

Конечно, приезд Дженни не был для них полной неожиданностью. Его предвидели, и нами сразу же занялся Бернارد Аккерман, доктор медицины и, как предполагала Дженни, хороший парень, хоть и «законченный йелец».

— Мы будем ей вводить лейкоциты и тромбоциты, — проинформировал он меня. — Это то, что ей сейчас нужно больше всего. Антиметаболиты вводить не надо совсем.

— А что это значит? — спросил я.

— Это замедляет разрушение клеток, — объяснил он, — но — Дженни знает — при этом могут возникнуть неприятные побочные явления.

— Послушайте, доктор. — Я знал, что напрасно читаю ему эту лекцию. — Решает Дженни. Как она скажет, так и будет. Только уж вы, ребята, постарайтесь, чтобы ей не было очень больно.

— В этом вы можете быть уверены, — ответил он.

— Сколько бы это ни стоило, доктор. — Я, кажется, начал переходить на крик.

— Это может продлиться несколько недель, а может тянуться месяцами, — предупредил он.

— Наплевать на деньги, — сказал я. Врач был со мной очень терпелив и спокойно реагировал на мой бессмысленный напор.

— Я просто хочу сказать, — объяснил Аккерман, — что никому не известно, сколько ей осталось.

— Запомните, доктор, — продолжал я командовать, — запомните: у нее должно быть все самое лучшее. Отдельная палата. Своя сиделка. И так далее. Пожалуйста. У меня есть деньги.

Глава 20

Невозможно домчаться от 63-й Ист Стрит в Манхэттене до Бостона в штате Массачусетс меньше, чем за три часа двадцать минут. Поверьте мне, я проверял предельную скорость на этой дороге и уверен, что никакая машина, иностранная или американская, даже если за рулем сидит сам Грэм Хилл, не проделает этот путь быстрее. Я гнал свой «эм-джи» по Массачусетскому шоссе со скоростью сто пять миль в час.

У меня есть такая электрическая бритва — ну знаете, на батарейках, — и будьте уверены, что я тщательно выбрился и сменил рубашку в машине, прежде чем вступить под священные своды офиса на Стейт Стрит. Даже в восемь часов утра здесь уже сидели несколько уважаемых бостонцев, ожидавших встречи с Оливером Бэрреттом III. Его секретарша меня знала и тут же сообщила о моем приходе по селектору.

Нет, мой отец не сказал:

— Проводите его ко мне в кабинет. Вместо этого дверь распахнулась, и, появившись на пороге собственной персоной, он произнес:

— Оливер.

Научившись теперь по-другому вглядываться в лица людей, я сразу заметил, что он немного бледен, что волосы его чуть поседели (а может быть и поредели) за эти три года.

— Заходи, сын, — произнес он каким-то непонятным тоном, но я не стал вдумываться — мне было не до этого. Я просто вошел в его кабинет и сел на стул для клиентов. — Ну, как живешь, сын? — спросил он.

— Хорошо, сэр, — ответил я.

— А как Дженнифер?

Я не стал лгать ему и сделал вид, что не услышал самый главный вопрос. Я просто выпалил причину моего неожиданного появления.

— Отец, одолжи мне пять тысяч долларов. Мне очень нужно.

Он посмотрел на меня и, кажется, кивнул.

— Ну и... — сказал он.

— Простите, сэр? — переспросил я.

— Хотелось бы знать — для каких целей?

— Я не могу сказать этого, отец. Просто мне нужны «бабки». Пожалуйста.

У меня появилось предощущение, что он намеревается дать мне эти деньги, — если, конечно, допустить, что кто-то может предощутить намерения Оливера Бэрретта III. Терзать меня он, видимо, тоже не собирался. Но он хотел... поговорить.

— А разве у Джонаса и Марша тебе не платят? — спросил он.

— Платят, сэр.

Сначала у меня возникло искушение сообщить ему, сколько я там получаю, — чтобы до него просто дошло, какой у меня уровень. Но потом я сообразил, что если он знает, где я служу, то, разумеется, знает, сколько мне платят.

— А разве она больше не преподает? — поинтересовался он.

Значит, он знает не все.

— Не называй ее «она», — предупредил я.

— Разве Дженнифер больше не преподает? — вежливо повторил он свой вопрос.

— Пожалуйста, оставь ее в покое, отец. Это мое личное дело. Очень важное дело.

— Какая-то девушка попала из-за тебя в затруднительное положение? — спросил он без тени осуждения в голосе.

— Да, — подтвердил я, — именно так, сэр. И мне нужны бабки. Пожалуйста.

Я и не надеялся, что он мне поверит. Да и он тоже не хотел знать правду, а задавал мне вопросы только для того, чтобы мы могли... поговорить.

Он выдвинул ящик стола и достал оттуда чековую книжку, медленно раскрыл ее — но не затем, чтобы помучить меня, а просто чтобы иметь возможность подыскать подходящие для такого случая слова. Не задевающие слова.

Наконец он выписал чек, вырвал его из книжки и протянул мне. Какое-то мгновение я не мог понять, что тоже должен протянуть руку и взять чек из его пальцев. И, несколько смутившись, он положил чек на край письменного стола, потом посмотрел на меня и кивнул. Все это, видимо, означало: «Бери, сын». Но он только кивнул.

Мне тоже не хотелось так уходить. Я подыскивал какие-нибудь обычные, нейтральные слова, но их не было. Это было мучительно: нам обоим хотелось поговорить, и в то же время мы не решались даже смотреть друг другу в глаза.

Я подался вперед и взял чек. Да, это был чек на пять тысяч долларов, подписанный Оливером Бэрреттом III. Чернила уже высохли. Я аккуратно сложил чек и, спрятав его в карман рубашки, встал и поплелся к двери. Конечно, нужно было сказать хоть что-нибудь вроде: «Я знаю, по моей вине весьма важные люди из Бостона (а может быть, даже из Вашингтона) прохлаждаются в твоей приемной, и все же, если бы у нас было что сказать друг другу, то я бы мог поболтаться по офису, дожждаться тебя, отец, а ты отменил бы тогда какой-нибудь официальный обед...» Ну и так далее.

Только остановившись в дверях, я сумел, наконец, глянуть ему в лицо и выговорить:

— Спасибо, отец.

Глава 21

И еще мне предстояла трудная задача — рассказать обо всем Филу Кавиллери. Мне, кому же еще? Я боялся, что он обезумеет от горя, — а он просто запер дверь своего дома в Крэнстоне и переехал жить ко мне. У каждого свой способ бороться с отчаянием. Фил наводил порядок в квартире. Он мыл, скреб, чистил, полировал. Я не очень понимал ход его мысли, но Господь с ним — пусть делает, что хочет. Может быть, он надеется, что Дженни вернется домой?

Может быть. Бедняга. И поэтому наводит чистоту. Он просто не хочет принимать вещи такими, каковы они есть на самом деле. Конечно, он в этом ни за что не признается, но я-то знаю, о чем он думает.

Ведь и я думаю о том же.

Как только она легла в больницу, я позвонил старине Джонасу и объяснил, почему не смогу приходить на службу. Я притворился, будто очень спешу и не могу долго разговаривать, так как понимал, что он огорчен, хочет сказать мне об этом и не находит слов. Отныне мой день делился на время посещения больницы и время для всего остального. Это остальное значения не имело. Я по привычке ел, наблюдал, как Фил (опять!) вылизывает квартиру, и не мог уснуть даже после таблеток, выписанных мне Аккерманом.

Однажды я услышал, как Фил пробормотал, обращаясь сам к себе:

— Я больше так не могу.

Он был в соседней комнате и протирает наш столовый сервиз. Я ничего не сказал ему, но про себя подумал: "А я вот могу. И кем бы ты ни был — Распоряжающийся Нами Там Наверху, — я прошу: «Пожалуйста, Сэр, пусть все это продлится, я могу выносить это до бесконечности. Потому что Дженни есть Дженни».

В тот вечер она выставила меня из палаты. Ей захотелось поговорить со своим отцом «как мужчина с женщиной».

— На это совещание допускаются только американцы итальянского происхождения, — сообщила она. Лицо ее было таким же белым, как и подушки, на которых она лежала. — Так что ползи отсюда, Бэрретт.

— О'кэй, — согласился я.

— Но не слишком далеко, — добавила она, когда я уже дошел до двери.

Я отправился посидеть в холле. Вскоре появился Фил.

— Она сказала, чтобы ты заползал, — прошептал он так, словно внутри у него была какая-то глухая пустота. — Пойду куплю сигарет.

— Закрой эту чертову дверь, — приказала она, когда я вошел в палату.

Я подчинился, а когда подходил к кровати, вдруг увидел все это целиком. Я имею в виду капельницу и прозрачную трубку, ведущую к ее правой руке, которую она все время старалась держать под одеялом. А я хотел видеть только ее лицо — каким бы бледным оно ни было, на нем все еще сияли ее глаза.

Поэтому я быстро сел рядом с ней.

— Мне совсем не больно, Олли. Знаешь, на что это похоже? Кажется, словно медленно падаешь с обрыва.

Что-то задрожало у меня внутри — нечто бесформенное, подбирающееся к горлу, чтобы заставить меня плакать. Но этого не будет. Не будет никогда. Сдохну, а не заплачу.

Нет, я не собирался плакать, но и говорить тоже не мог. Я смог только кивнуть в ответ, И я кивнул.

— Ерунда, — сказала она.

— М-м? — Это было больше похоже на мычание, чем на какое-нибудь слово.

— Нет, ты не знаешь, как падают с обрыва, Преппи. Ты ни разу в своей дурацкой жизни не падал с обрыва.

— Падал, — возразил я, вновь обретя дар речи. — Когда познакомился с тобой.

— Да-а... — На ее лице промелькнула улыбка. — «О, что за падение это было!» Откуда это?

— Не знаю, — ответил я. — Шекспир?

— Да, но кто это говорит? — произнесла она жалобно. — Я не могу даже вспомнить, из какой это пьесы. Я же закончила Рэдклифф и такие вещи должна помнить. Ведь я знала наизусть нумерацию всех вещей Моцарта в издании Кехеля.

— Подумаешь, большое дело, — сказал я.

— А вот и большое. — И затем, нахмурившись, спросила: — Под каким номером идет концерт си-минор для фортепьяно с оркестром?

— Я посмотрю, — пообещал я.

И я знал, где надо смотреть. Дома, на полке у рояля. Найду этот концерт и завтра первым делом скажу ей номер.

— А ведь я когда-то это знала, — сказала Дженни. — Правда. Когда-то я это знала.

— Слушай, — произнес я, подражая Богарту, — ты что, хочешь поговорить о музыке?

— А ты предпочитаешь говорить о похоронах?

— Нет. — Я пожалел, что перебил ее.

— Похороны я обсудила с Филом. Ты меня слушаешь, Олли? Я отвернулся.

— Да, слушаю, Дженни.

— Я сказала, что он может заказать католическую мессу. Ты же не будешь против? О'кэй?

— О'кэй, — ответил я.

— О'кэй, — повторила она.

И мне стало немного легче, потому что самое тяжелое было уже сказано. Но я ошибся.

— Послушай, Оливер, — мягко сказала Дженни — она всегда говорила так, когда злилась. — Перестань себя изводить, Оливер.

— Что?

— У тебя виноватый вид, Оливер, ты изводишь себя.

Я напрягся изо всех сил и попытался изменить выражение лица, но оно словно застыло.

— Никто не виноват. Понимаешь ты это, Преппи? — продолжала она. — Пожалуйста, перестань винить себя!

Я хотел смотреть на нее, не отрываясь, — всегда, вечно... И все же опустил глаза. Мне стало совестно, что даже сейчас Дженни может с такой легкостью читать мои мысли.

— Неужели ты не можешь сделать для меня такую ерундовину? Я прошу, Олли. Тогда все у тебя будет о'кэй.

И опять что-то зашевелилось у меня внутри, подобравшись так близко к горлу, что невозможно даже было ответить «о'кэй». Я молча смотрел на Дженни.

— Да черт с ним, с этим Парижем, — внезапно произнесла она.

— А? Что?

— И с Парижем, и с музыкой, и со всей остальной чепухой. Думаешь, ты меня всего этого лишил? Да мне наплевать на все это. Ты что, не веришь?

— Да, не верю, — честно признался я.

— Тогда убирайся отсюда. Нечего тебе делать у моего чертова смертного одра.

Она не шутила. Я знал, когда Дженни говорит что-то всерьез. И я купил разрешение остаться, солгав:

— Я тебе верю.

— Так-то лучше. А теперь я хочу тебя кое о чем попросить.

И снова что-то сжалось у меня внутри, стараясь выдавить рыдания. Но я выдержал. Я не буду плакать. Просто кивну головой, давая понять Дженнифер, что выполню любую ее просьбу.

— Пожалуйста, обними меня покрепче, — попросила она.

Я положил руку на ее плечо (боже мой, такое худое!) и тихонько сжал его.

— Нет, Олли, не так, — сказала она. — Обними меня по-настоящему. Иди ко мне.

Очень осторожно — чтобы не задеть все эти трубочки — я прилег рядом и обнял ее обеими руками.

— Спасибо, Олли.

Это были ее последние слова.

Глава 22

Фил Кавиллери был в солярии и закуривал очередную сигарету, когда я там появился.

— Фил? — прошептал я тихо.

— Да? — Он посмотрел на меня, и мне показалось, что он все уже знает.

Его нужно было хоть как-то утешить. Я подошел и положил руку ему на плечо. Я боялся, что он заплачет. Я был уверен, что сам этого не сделаю. Не смогу. Просто уже поздно.

Он дотронулся до моей руки.

— Жаль, — пробормотал он. — Жаль, что я... — Тут он запнулся. Я ждал. И, впрочем, куда было спешить?.. — Жаль, что я обещал ей держаться. Держаться ради тебя. — И, словно ища опоры, он сжал мою руку.

Но я хотел остаться один. Вдохнуть воздух. Может быть, даже пройтись.

Я спустился. Внизу, в больничном холле, стояла полная тишина. Я слышал только стук своих каблуков.

— Оливер.

Я остановился.

Это сказал мой отец.

Если не считать сидевшей за столиком дежурной сестры, мы были наедине. Мне вдруг пришло в голову, что в это ночное время, кроме нас, в целом Нью-Йорке бодрствует, должно быть, всего несколько человек.

Я не мог его видеть. Я пошел, не останавливаясь, прямо к вращающимся дверям. Но через мгновение он уже стоял на улице рядом со мной.

— Оливер, — произнес он. — Ты должен был мне все рассказать.

На улице было очень холодно, и я обрадовался этому, потому что мое онемевшее тело смогло, наконец, ощутить хоть что-нибудь. Отец продолжал говорить со мной, а я продолжал стоять неподвижно, чувствуя, как ледяной ветер хлещет меня по лицу.

— Как только мне стало об этом известно, я сразу бросился к машине, — рассказывал он.

Я забыл надеть пальто. И от холода у меня уже ломило все тело. Хорошо. Очень хорошо.

— Оливер, — торопливо проговорил мой отец. — Я хочу помочь.

— Дженни умерла, — ответил я.

— Прости, — почти беззвучно прошептал отец. Не знаю почему, но я вдруг повторил то, что однажды, давным-давно, услышал из уст замечательной девушки, теперь уже мертвой.

— Любовь — это когда не нужно говорить «прости».

А потом я сделал то, чего никогда не делал в присутствии отца, и уж тем более в его объятиях. Я заплакал.

notes

Примечания

1

«Преппи» — Preppie — пренебрежительное прозвище тех, кто посещает частные курсы по подготовке в высшее учебное заведение. Обычно это дети состоятельных родителей (амер.). — Здесь и далее примечание переводчиков

2

"A" — высшая оценка в университетах США

3

Каммингс, Эдуард Эстлин (1894-1962), американский поэт. Одним из его стилистических приемов был отказ от использования заглавных букв

4

Список десяти лучших студентов на курсе

5

Плющевая Лига — название восьми университетов, находящихся на Восточном побережье США

6

Кэнук — презрительное прозвище канадцев

7

БАСП — белая, англосаксонка, протестантка

8

Типси — tipsy — под хмельком (англ.)

9

День вручения дипломов

10

Перевод К. Чуковского

Имеется в виду пьеса Жана Ануя «Бекст, или Честь Божья» (1958 г.)

12

Ответьте, пожалуйста (фр.)

13

Пейн — pain — боль (англ.)

14

Имеется в виду Хэмфри Богарт (1899-1957), американский киноактер

Содержание

[Эрик Сигл История любви](#)

[Глава 1](#)

[Глава 2](#)

[Глава 3](#)

[Глава 4](#)

[Глава 5](#)

[Глава 6](#)

[Глава 7](#)

[Глава 8](#)

[Глава 9](#)

[Глава 10](#)

[Глава 11](#)

[Глава 12](#)

[Глава 13](#)

[Глава 14](#)

[Глава 15](#)

[Глава 16](#)

[Глава 17](#)

[Глава 18](#)

[Глава 19](#)

[Глава 20](#)

[Глава 21](#)

[Глава 22](#)

[Примечания](#)

[1](#)

[2](#)

[3](#)

[4](#)

[5](#)

[6](#)

[7](#)

[8](#)

[9](#)

10

11

12

13

14

15